

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ulitskaya@ludmila.ru/> приятного чтения!

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая

пьеса в трех действиях без антрактов

Действующие лица

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ЛЕПЕХИН (Дюдя), 67 лет, пенсионер, профессор математики

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА, его сестра, 60 лет

РОСТИСЛАВ, 40 лет, старший сын Натальи Ивановны
ВАРВАРА (Вава), 32 года, старшая дочь Натальи Ивановны

ЕЛЕНА (Леля), 30 лет, средняя дочь Натальи Ивановны

ЛИЗА, 19 лет, младшая дочь Натальи Ивановны

АЛЛА, Наталья Ивановна. она же Евдокия Калугина, 39 лет, жена Ростислава

КОНСТАНТИН, 30 лет, муж Елены

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (Маканя), 60 лет, сестра покойного мужа Натальи Ивановны,
домоправительница и приживалка

СЕМЕН ЗОЛОТЫЕ РУКИ, 40 лет, простой человек

Действие происходит в 2002 году, в дачном академическом поселке. Теперь здесь живут Андрей Иванович (дядя Дюдя), Наталья Ивановна и ее три дочери, а также муж средней дочери Константин. Дача получена в наследство от академика Ивана Лепехина, отца Натальи Ивановны и Андрея Ивановича. Ведет хозяйство Мария Яковлевна, сестра покойного мужа Натальи Ивановны. Наталья Ивановна исполняет большой заказ – перевод на английский язык многотомника современной русской писательницы Евдокии Калугиной, жены Ростислава.

У спектакля разнообразная и сложная звуковая партитура, которая в идеале доходит до симфонизма. Составляющие партитуры – треск пишущей машинки, на которой печатает Наталья Ивановна, компьютерная музыка, производимая Константином, а впоследствии, когда компьютер окончательно ломается, грохот ударной установки, подозрительный скрип раскладушки, временами доходящий до неприличия, мяуканье кошки, которая жаждет любви, вибрация отбойного молотка, дребезг разбиваемой посуды и прочие шумы домашнего обихода – спускаемой воды в туалете, падения предметов, колокольный звон из близлежащего монастыря, звонки телефонов – главным образом, Лизиного мобильного и, наконец, визг тормозов и рев бульдозеров. Естественно, все эти шумы не заглушают речи.

Свет в спектакле разнообразен: от обычного электрического освещения до света свечей и фонариков. В последней сцене возможен цветовой удар, как в современной дискотеке.

Действие первое

Гостиная на старой запущенной даче. Несколько дверей, лестница в мезонин. Ночь. Детали не видны, но когда свет загорится, обнаружится запустение. От витражных окон террасы почти ничего не осталось – кое-где они забиты досками, кое-где заклеены пластиковой пленкой. Буфет. Стол. Книжный шкаф. Стол с компьютером. Пианино. Кресло-качалка. Швейная машинка – старинная. Время от времени раздается мяуканье неудовлетворенной кошки. На стене – портрет Чехова. Пока ничего этого не видно. Долгая темнота, в которой возникает Андрей Иванович в халате со свечой. Андрей Иванович похож скорее на пожилого киноактера – может быть, на Марчелло Матростяни, – чем на профессора. Подходит к буфету, открывает дверцу, наливает из графина в рюмку. Раздается журчание спускаемой воды в уборной. Андрей Иванович замирает. Слышны чьи-то шаги.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ваше здоровье, Андрей Иваныч! (Торопливо выпивает. Распахнутая дверца буфета отваливается, падает, разбивая графин.) Черт подери!

Входит Наталья Ивановна, в халате, со свечой.

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя! Что ты разбил?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да чертова эта дверка! Опять отвалилась! Надо позвать в конце концов человека...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (поднимает большой осколок). Ой! Папин графинчик! Дюдя! Это был последний папин графин! Разбился...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток, ну что же теперь делать? Ну, разбился... Прости... Опять почему-то нет электричества... Надо позвать электрика...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Не надо по ночам пить водку...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну вот, уже и водка виновата... Ты пригласи этого вашего Семена Золотые Руки, пусть починит...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (садится, закрыв лицо руками). Почему я? Почему обо всем должна я? Господи, если бы ты знал, как я устала. Всю жизнь я работаю, как ломовая лошадь. Не покладая рук. С семнадцати лет, без единого дня отдыха... Бедный графинчик...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток, ну не расстраивайся... Черт с ним, с этим графином...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Да причем тут графин! Жизнь пропала! Лучшие годы!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну что ты так убиваешься... Давай лучше по рюмочке, а? Поищем... Где-нибудь есть... рюмочка...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (разглядывает осколок). Нет, не папин, это еще дедушкин графинчик. Почему надо по ночам пить эти твои рюмочки? С утра до ночи не отхожу от пишущей машинки... Пропускаю через себя, через свою душу это мочало...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Видишь, кому что... А моя душа просит рюмочки... Не стакана даже...

Андрей Иванович нагибается, чтобы поднять осколки графина.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Осторожно! Стекло! Не трогай, ради Бога! Ты порежешься. Завтра дадут электричество, и девочки все соберут.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ой! (Облизывает палец.)

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ну вот, порезался! Что я говорила! У меня бессонница. У меня давление... Господи, как я устала! Уже три часа ночи. Я не могу заснуть. Ночь пропала... Все пропало. Молодость пропала!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (сосет палец). Если ты так будешь ныть, то и старость пропадет...

Наталья Ивановна направляется к столу.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Осторожно! Доска!

Наталья Ивановна делает зигзаг, обходя опасное место.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Здесь же всегда стоял перевернутый стул. Кто его убрал?

Садится. Опускает лицо в ладони. Андрей Иванович подходит к ней, гладит по плечу.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток! Не надо... Ты наша крепость. На тебе все держится. Возьми себя в руки.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Прости, Дюдя! Минута слабости... Но ты ведь старший... Старший брат. Кому еще я могу пожаловаться? Подумай, еще недавно мы были дети, бегали в саду. Качались на качелях. Помнишь, ты меня раскачал так, что качели «солнышко» сделали...

Раздается ритмичный скрип раскладушки и стоны.

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Конечно, помню. На них потом еще твои дети качались.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Слева от дома стояли. Во время войны левую часть дома разрушило. Прямое попадание. А правая сохранилась. Все соседи говорили, что надо все снести и заново строить. А отец сказал твердо: «Нет – все, что сохранилось, будем и дальше сохранять. Этот дом моим отцом построен, и не мне его сносить».

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Неужели ты помнишь?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Мама рассказывала. Весь академический поселок тогда заново строился, даже те, у кого дома уцелели... Пленные немцы строили. А отец не захотел...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да-да, точно. Он все тогда восстановил – и оранжерею, и теплицу...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Папа был святой человек.

В своем роде... Графинчика жалко.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну, опять... Пошло-поехало...

Скрип раскладушки затихает, раздаются шаги, потом рев воды в уборной. Снова шаги.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ладно, друг мой. Попробую заснуть. Ты осколки не собирай. Поставь там стул, чтобы никто в темноте не наступил. А то Лизик постоянно босиком...

Наталья Ивановна целует брата, уходит. Он осторожно шарит в глубине буфета, находит, раздается бульканье. Андрей Иванович тихонько выпивает. Потом переворачивает стул и ставит его вверх ножками около буфета. Неожиданно включается электричество. Дом ярко освещается.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Здрасьте! Среди ночи свет дали. Меня как будто покачивает...

Из уборной выходит Мария Яковлевна в шали поверх халата.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Доброе утро, Андрей Иванович. Кажется, опять засор... Что-то вода плохо сходит. Хорошо хоть электричество дали...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Доброе утро, Мария Яковлевна... Хотя я еще не ложился. Так что у меня скорее вечер. Я здесь графинчик раскокал. Скажите, пожалуйста, девочкам, чтобы они осколки с полу подобрали.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лизочка обещала привезти сотню яиц. И представьте, ни Лизочки, ни яиц.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Зачем вам сотня?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Как зачем? Пасха! Куличи печь...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (вздыхает). Недавно Рождество было, а уже Пасха...

Мария Яковлевна берет веник, собирает осколки и метет. Слышно, как подъехала машина. Андрей Иванович смотрит в темное окно.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А мелкие без очков не собрать. Где мои очки?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Лизкина «Ока»! Приехала!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Какой-то кошмар! Девочке девятнадцать лет, разъезжает на машине, одна, среди ночи. Какая-то безумная жизнь... Был бы жив брат Николай, ни за что не допустил бы...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да, и самое плохое то, что одна...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Этого я не понимаю – купить машину ребенку!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ростислав купил. Он щедрый, широкий человек. И Лизка у него любимая сестра...

Открывается дверь, входит толстая некрасивая девушка, выкрашенная в сине-зеленый цвет (а, может, пострижена наголо), одета в стиле «панк». Прижимает к груди четыре картонки с яйцами.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лизик! Ну что же ты так поздно!

ЛИЗА. Машина сломалась на дороге. Маканя, почему ты меня не хвалишь? Я привезла тебе сотню яиц!

Лиза идет по опасному месту.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ, МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (хором): Осторожно! Доска!

Доска проваливается, Лиза спотыкается и роняет яйца.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Кто убрал стул? Здесь всегда стоял стул! Андрей Иваныч, это, конечно, вы переставили!

ЛИЗА. Oh shit! Все переколотила...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ой, какая досада! А ты-то – не ушиблась, деточка?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Лизочка, по-моему, ты немножечко... а?

ЛИЗА. Дюдя! Как ты мог подумать? (Хихикает.)

Мария Яковлевна встает на колени, разбирает картонки с битыми яйцами.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ничего страшного. Мы сейчас все соберем! И не все побились! Целые покрасим. А на кулич и на пасху совершенно неважно, что битые... Лизочка, принеси мне с кухни мисочку! Очки... я куда-то очки задевала...

Лиза идет на кухню зигзагами.

ЛИЗА. Выбить четыре дюжины яиц, добавить четыре стакана самого мелкого сахарного песку, растереть деревянной ложкой добела. Вылить смесь в опару и добавить пять фунтов самого лучшего чухонского масла...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ай, племянница! Прелесть моя! Давай в головку поцелую...

Лиза возвращается с миской, дает ее Марии Яковлевне.

Мария Яковлевна руками собирает с полу яичный бой.

Берет стул, переворачивает ножками вверх и ставит туда, где поблескивают остатки битых яиц.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Осторожно, здесь скользко.

Я пока стул сюда поставлю, чтоб не наступали.

Лиза вынимает из сумки плитку шоколада, ест.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лизочка! Воздержись!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Маканя! А вам не кажется, что это как-то негигиенично... с полу...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да что же я, сотню яиц собакам отдам? Причем тут гигиена? Тепловая обработка, во-первых... Во-вторых, куличи Вава все равно в церкви освящает... Так что будет все очень диетическое...

ЛИЗА. ...и месить, и месить, и месить до... пока у Елены Молоховец яйца не посинеют... Shit!

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лиза!

Звонит Лизин мобильный телефон, она вытаскивает его из сумки и поднимается по лестнице в мезонин. Новый приступ кошачьего мяуканья.

ЛИЗА (в телефон). Как хорошо, что ты позвонил! Я одна, совершенно одна... У тебя такой голос... возбуждающий...

Мария Яковлевна провожает взглядом Лизу.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Мое сердце подсказывает, что у Лизика завязался роман...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Гм... возможно...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Женщины в нашей семье всегда выходят замуж очень рано. В восемнадцать лет, по первой любви. Наша бабушка, и мама, и Лелечка...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. ...Которые выходят...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Что вы имеете в виду?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ничего особенного... просто некоторые вообще не выходят...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Я, собственно, имею в виду нашу семью, Дворянкиных. Лепехиных больше нет... фамилия закончилась на вас, Андрей Иванович. И Граевских больше нет. А ваш единственный наследник Ростислав – ваш племянник, между прочим, – носит фамилию моего покойного брата Николая Дворянкина!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (зевает). Пойду-ка я, пожалуй, спать. Слишком поздно для геральдических изысканий... Слишком поздно. А почему кошка все время орет?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ой, Мурка с вечера влезла на дерево и орет. Видимо, женихов призывает.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А-а... понятно...

Раздается отдаленный благовест, в гостиную входит Варвара в черном головном платке. В руках у нее цепочка от унитаза с фарфоровой грушей на конце.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Доброе утро, Вавочка. Осторожнее, там осколки. Я потом подберу...

ВАРВАРА. Ты посмотри! Опять цепочка оторвалась! Он же на прошлой неделе чинил! Что за свинство, в конце концов! Дом разваливается, всем наплевать...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Спокойной ночи! (Уходит.)

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ну что можно поделаться? Я дала Семену десять долларов на прошлой неделе. Чайник поставить?

ВАРВАРА (бросает цепочку на стол, поправляет платок). Какой чай? Я в церковь. Ты позови этого Семена, пускай сделает по-человечески.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. По-человечески нельзя.

Он мне объяснял. Там надо что-то менять, муфту, кажется, и какую-то особую, теперь таких не производят... И трубы... Он сказал, что засор капитальный, это не только у нас, это по всему поселку канализация выходит из строя, так что надо пользоваться уборной во дворе...

ВАРВАРА. Какой еще уборной во дворе?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Позади оранжереи маленький домик. Там была уборная для рабочих, когда дачу строили...

ВАРВАРА. А-а... Там же двери нет!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Нуда...

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
ВАРВАРА. О Господи... (Накидывает пальто.) Я пошла... К обеду не ждите. Я в монастыре с сестрами пообедаю...

Хлопает дверь – электричество гаснет. Уже рассвело. Мария Яковлевна переворачивает стул и ставит его на опасное место ножками вверх. Теперь имеется три перевернутых стула, остальные девять вокруг большого стола. Раздается треск пищевой машинки, потом на этом фоне шаги, хлопанье дверями. Входит красавица Елена (Леля) в ночной рубашке. В руках у нее пульверизатор с духами, она прыскает себе на руки, нюхает.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Эту доску действительно пора заменить. Скоро будет дыра посреди комнаты.

ЕЛЕНА. Маканя! В уборной нет этой штуки. Куда она делась?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Доброе утро, деточка. Вот она, на столе лежит.

ЕЛЕНА. Зачем на столе?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Оторвалась. И там вообще, кажется, опять засор. Вода плохо сходит. Позвони, пожалуйста, Семену, пусть починит.

Мария Яковлевна берет кастрюлю, наливает воду, уходит. В уборной сливают воду. Мария Яковлевна возвращается. Елена звонит по телефону – аппарат послевоенных времен.

ЕЛЕНА. Контора? Семен на месте? Хорошо, зайду...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (берет стул). Я пока поставлю возле уборной, чтоб не пользовались.

Елена накидывает шубу на ночную рубашку, сует ноги в валенки.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Леля! Ты сошла с ума? Куда ты?

ЕЛЕНА. В контору. Семена приведу...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ты что, в контору в таком виде пойдешь? Ты же простудишься. Ноль градусов!

ЕЛЕНА. Не зуди, Маканя. (Уходит.)

К треску пищевой машинки присоединяется кошачье мяуканье. Мария Яковлевна трет виски. Трясет головой.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Видимо, давление...

Открывает большой старый холодильник, что-то достает, что-то туда засовывает. Бормочет. Треск машинки обрывается. Входит Наталья Ивановна.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Доброе утро, Мария Яковлевна.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Доброе утро, Наталья Ивановна.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вы еще не варили кофе?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Сейчас сварю...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (садится). Спасибо. Опять почти не спала. Я иногда завидую простым людям, у которых простая физическая работа. Рабочие, должно быть, спят крепко...

Мария Яковлевна хватается за виски.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А вы не чувствуете, Наталья Ивановна, как будто немного трясет... Вибрация какая-то...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Нет, не чувствую... А сливки есть?

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Определенно какая-то вибрация. Как это вы не чувствуете?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Так о чем я... Да, рабочие, должно быть, спят крепко.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Молочница вчера приходила. Мы ей уже сорок долларов должны.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Валентина Никитична? Так отдайте ей. И почему молочнице нужны доллары? Впрочем, она милая старушка. Отдайте ей ее доллары...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Наталья Ивановна! Валентина Никитична, милая старушка, восемь лет как умерла. Давно уже другая молочница ходит. Расходы были большие на этой неделе. И все деньги вышли.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Какие такие особенные расходы? Живем, как всегда жили...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вы мне не доверяете? Я говорю – большие расходы! Три тысячи рублей в контору отдала за общую охрану – раз! Закупки для Пасхи делала – два! Я купила себе новые галоши. Да! Неужели я не заслужила за тридцать лет жизни в вашем доме новых галош?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Маканя, помилуйте! Что вы такое несете? Какие галоши? Просто пятьсот долларов в неделю на хозяйство – большая сумма. Мне кажется...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Когда-то и пятьдесят рублей была большая сумма! У меня в пятьдесят девятом году в профсоюзах зарплата была триста семьдесят пять рублей, а потом стала тридцать семь рублей пятьдесят копеек, и хватало!.. Большая сумма!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Конечно, это были другие деньги. Папа получил Сталинскую премию, и ему тогда дали сто тысяч! И это были о-го-го какие деньги!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА: А пятьсот долларов в неделю на нашу семью... поверьте, я на всем экономлю! Килограмм кофе в зернах стоит двести рублей, у нас выходит два килограмма в неделю одного только кофе... А я пью чай!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Да полноте! Меня вовсе это не интересует...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А меня интересует! Потому что я тридцать лет с вами живу ради моего брата! Уже пятнадцать лет, как он ушел от нас, а я все живу с вами... в память Николая... Потому что в доме никто, буквально ни один человек не знает, сколько стоит килограмм кофе! Я стала домработницей! Я потеряла профессию, я не выслужила пенсию... всю жизнь я служу вашей семье, и вы мне говорите, что сумма большая... У меня есть записи... Все расходы... (Вскакивает.) Ой, кофе убежал! (Ставит кофейник на стол.) Пожалуйста! Кофе. Пожалуйста! Сливки! (Плачет.)

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Боже мой, Маканя! Умоляю вас! Какие записи? Как вы можете произносить такие ужасные слова? Причем тут домработница? Мы всегда держали домработницу, пока вас не было! Вы же сами так решили! Вы меня совершенно неправильно поняли. Простите меня, я вовсе не хотела... и в мыслях не держала вас обидеть.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Покойный брат Николай... пригласил меня... я дала ему слово, что...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Мария Яковлевна! Простите, если я вас обидела. Я устала смертельно.

Я спала сегодня два часа, и я работаю... я единственная, кто в нашей семье работает.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вот, вот, вот именно! А я что, не работаю?

Далее женщины говорят одновременно.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Я перевожу как машина... Сотни книг, сотни! Я переводила с французского, с итальянского, даже с испанского, которого совершенно не знала! Спасибо, Дюдя помогал! Я переводила детективы, справочники, учебники, пособия, инструкции, приложения, положения... А теперь я вынуждена переводить на английский! Вы думаете, это просто? Я всегда содержала семью! И при покойном

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Николае содержала!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ростик первый год болел животом, а у Лели был диатез... То в очереди, то в ромашке... Бутылочки я всегда стерилизовала! И пеленки с двух сторон... Хорошо еще, были продуктовые заказы у брата Николая в Институте марксизма-ленинизма...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Еще студенткой я давала уроки! всю жизнь частные уроки!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. В закрытом распределителе...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Я не успевала выучить язык и уже давала уроки! Три рубля в час! В будние дни по вечерам, а в воскресенье с утра до вечера!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА...прекрасные были продукты... Сырокопченая колбаса, осетрина, шоколад «Красный Октябрь»... А какие ангины были у Вавочки! А Лизочкины запоры! Она же по пять дней не садилась на горшок! Какие деньги?

Пауза. Диалог продолжается.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Маканя! С вами невозможно разговаривать! Никакой логики. Я о деньгах вообще ни слова не говорила. Я говорю только о работе. В нашей семье никого никогда деньги не интересовали!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Брата Николая действительно деньги не интересовали! Он писал исследования о Марксе, об Энгельсе, о Лассале, о Каутском... И куда теперь все? Пропало! И ни наград, ни премий! Все ради блага страны!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Когда папа получил Сталинскую премию, он даже не знал, что за нее полагается сто тысяч рублей! Потому что Лепехины всегда были работники – отец, дед, прадед! Все трудились от зари до зари. А теперь... я живу в семье, где никто не хочет трудиться. Один Ростислав трудится. А девочки... Одна молится, вторая принимает позы... А Лизочка совсем не занимается... Как она сессию сдаст?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ну и что, молится? Не пьет, не курит! Может, она верующая, чего ж ей не помолиться? Хотя я лично этого не понимаю. А вот брат Николай... не знаю, как бы он это пережил. А Леля ищет работу! Хорошая работа на дороге не валяется! Не на телеграф же ей идти с тремя языками?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Кофе остыл...

Мария Яковлевна снова ставит кофейник на огонь.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Я что скажу? Брат Николай преподавал диалектический материализм и всегда говорил, что диалектика – мать всех наук! А диалектика в том и заключается, что все в развитии... что вчера было хорошо, то сегодня плохо... что сегодня хорошо, завтра опять плохо... Все в развитии... Все хуже и хуже... Кофе убежал! Но не весь!

Мария Яковлевна наливает кофе и ставит чашку перед Натальей Ивановной. Обе устали – заряд кончился. Пауза.

Обе пьют кофе.

НАТАЛЬЯ И ИВАНОВНА. А Лиза все-таки очень мало работает... Когда я училась в университете, буквально от стола не отходила.

Входит Константин. Кивает. Пьет воду из-под крана.

Зажигает свет. Открывает холодильник.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Осторожно с дверкой! Она плохо захлопывается!

Константин достает круг колбасы, отрезает от него кусок, потом с грохотом захлопывает холодильник. Жуя, подходит к компьютеру, садится, надевает наушники.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Не здороваются.

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Не обращайтесь внимания.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Не могу привыкнуть.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. За восемь лет могли бы и привыкнуть.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Чего Леля в нем нашла?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. И за восемь лет ни одного дня не работал. Музыкант!

Константин снимает наушники, звучит агрессивная барабанная атака. Наталья Ивановна и Мария Яковлевна продолжают говорить, их не слышно. Они как будто примиряются. Наталья Ивановна встает из-за стола, они обнимаются, целуются. В этот миг гаснет свет. Музыка обрывается.

КОНСТАНТИН. Гвоздец!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА, МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (хором, укоризненно). Константин!

Наталья Ивановна уходит. Открывается дверь – Елена и Семен с вантузом. Слышен благовест.

КОНСТАНТИН. Все пропало! Опять!

ЕЛЕНА. Не убивайся так, Костик! Еще не все... Вот, Маканя, привела к тебе Семена. Там в конторе на него очередь стоит!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Спасибо, Семен. Мы вам очень благодарны. Не знаю, что бы мы без вас делали!

КОНСТАНТИН. Проклятое электричество...

СЕМЕН. Что всегда, то бы и делали... Восемь заявочек с утра, это точно. Но я говорю – Лепехины у меня в первую голову. Всем говорю. Ну, чего там? (Подходит к уборной.) Ой-ей-ей!

Бульканье, звяканье инструментов, пробивается стрекот пишущей машинки, трели мобильного телефона. Звонит и второй телефон – городской. Елена снимает трубку.

ЕЛЕНА. Да, привет, Сонечка! Нет, мы в городе давно не живем. Городская квартира сдана. Да, англичанин живет. Нет, совершенно не милый. Крыса старая. Чем-то торгует. Нет, нет. Этим Ростислав занимается. Это какой-то его знакомый, братец нам зильца нашел. Спасибо, Сонечка. Нет, испанского я не знаю. Нет, я бы с итальянским не хотела, ну, я забыла уже. С французским – пожалуйста. Можно английский. Сколько? Ты смеешься? Каждый день отсюда тащиться в город за такие деньги? Ну, спасибо, конечно, что вспомнила, но это просто никакое предложение. Совсем никакое... Пока. Спасибо, что позвонила. (Марии Яковлевне) Работу предложили. За пятьсот долларов сидеть в конторе пять дней в неделю с десяти до шести... Перекладывать бумажки и отвечать на телефонные звонки...

Елена вынимает пульверизатор с духами, брызгает на руки, нюхает. Константин принимает позу дерева и замирает.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ты отказалась?

ЕЛЕНА. Угу... Вообще-то им нужен итальянский и испанский...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Странно. Испанский – совсем уж лишний язык.

ЕЛЕНА. У нас только Дюдя знает испанский. И мама немного. Да хоть бы и знала – не за пятьсот же долларов...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Наверное, ты права... Когда я работала в профсоюзах, давали контрамарки в театр, бесплатные путевки...

ЕЛЕНА. Труд без поэзии, без мысли... Ужасно надоела эта проклятая дачная жизнь. Здесь на работу невозможно устроиться... Пора кончать.

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ты хочешь, чтобы мы опять переехали в Москву?

ЕЛЕНА. Нет. В Москву не хочу. Я хочу в Париж...

КОНСТАНТИН (не меняя позы). В Китай... Или в Индию...

По лестнице спускается Лиза с мобильным телефоном в одной руке и плиткой шоколада в другой.

ЛИЗА. Париж – грязный вонючий город! Весь в собачьем дерьме. Французы твои – надутые скупердяи... И Париж твой – дешевка и показуха... Самый фальшивый город на свете. (Набирает номер.) Вера? Новый оператор? Хорошо. Восемнадцать двадцать два. Ближайшие два часа не соединяйте. Нет, только кредитные карточки.

ЕЛЕНА. То ли дело твой Амстердам, да?

ЛИЗА. Да уж конечно, Амстердам повыше стоит... дерьмового твоего Парижа...

КОНСТАНТИН (все еще в позе дерева). В Индию! Всем надо в Индию! В ашрам!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (замечает шоколад). Лизочка, воздержись!

Раздается грохот, появляется Семен с разбитым бачком. Мария Яковлевна отрывается от огромной миски, в которой что-то размешивает. Снова включается электричество. Константин надевает наушники, кивает в такт неслышимой музыке. Потом, не снимая наушников, идет к холодильнику, снова достает круг колбасы, отрезает большой кусок, жует. Садится за свой стол.

СЕМЕН. А по мне, Франкфурт всего лучше. Я там три года на заработках был... Вообще-то за границей давно уже все в полной комплектации... В Германии с питанием лучше всего мне понравилось. Да и климата нашего не могу одобрить... Конец апреля, а холод собачий... А у них там все цветет, пахнет... тьфу! (Ставит на стол две половины сломанного бачка.) Все, Мария Яковлевна! Гвоздец!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА ЛИЗА, ЕЛЕНА (хором). Семен!

Лиза принимает миску из теткиных рук и начинает месить. Пробует тесто.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. По часовой стрелке...

СЕМЕН. Конец пришел, говорю. Всему приходит конец. Все сгнило. Вентиль не работает, проржавел. Я заглушку поставил.

ЛИЗА. А если против часовой, тогда что? (Месит против часовой стрелки.)

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА и течь больше не будет?

СЕМЕН. Да чему ж течь? Вы прям как дитя. Я ж говорю, воду перекрыл. Если в кране нет воды, воду выпили жида.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Семен! Что вы говорите? При чем тут жида?

СЕМЕН. Десять долларов с вас, Мария Яковлевна.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. За что, Семен?

СЕМЕН. За демонтаж оборудования.

ЛИЗА (облизывает ложку). Тесто вкусное... Мне вообще сырое тесто больше печеного нравится.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Но вы же на прошлой неделе взяли десять долларов за починку!

СЕМЕН. Так я ж вам говорил – чинить не имеет смысла.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А что же делать?

СЕМЕН. Что делать, что делать... Продавать эту дачу надо. Сгнила вся. Вон,

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Левинсоны продали. И академик Тришкин.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Тришкин – это такой высокий, на том краю? (Показывает.)

СЕМЕН. Нет, маленький, на том краю (показывает в противоположную сторону). Это, который свой гектар нарезал на участки по шесть соток, а только дорожку к своей двери оставил.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Куда же очки задевались?

Елена встает и направляется к себе.

СЕМЕН (почти кричит). Лель, ты говорила, там окно у тебя не закрывается... Могу посмотреть.

ЕЛЕНА. Какой ты резвый, Семен!

Поднимаются по лестнице. Слышны несколько ударов молотка. Новый яростный вопль кошки.

ЛИЗ А. И чего она так убивается?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Надо ему сказать, чтобы он сделал дверь.

ЛИЗА. Какую дверь, Маканя?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Дверь в уборную. Во дворе.

ЛИЗА. А вы отсюда снимите и туда навесьте. Я говорю, чего Мурка так орет? А завтракать сегодня будем?

Вынимает плитку, но не успевает ее распечатать.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лиза! Воздержись! Скоро будем завтракать. Все куда-то разбрелись...

ЛИЗА (выглядывает в окно). Бедная кошка! Сидит на дереве, одна-одинешенька. Мне кажется, она просто залезть залезла, а слезть сама не может.

Константин идет в неработающую уборную, забирает оттуда два рулона туалетной бумаги и выходит во двор, продолжая жевать колбасу. Лиза ест ложкой тесто из миски. Мария Яковлевна в задумчивости грызет яблоко. Лиза ставит чайник на плиту.

ЛИЗА (вслед Константину). Костя, сними Мурку с дерева, а?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Надо кому-то пойти за творогом...

Лиза молчит.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. На сырную пасху надо три килограмма творогу...

ЛИЗА. Я чайник кипячу.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. В такие дни обычно быстро разбирают...

ЛИЗА. Я привезла яйца. Я свой вклад яйцами вложила... (Кудахчет, изображая курицу.) МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА Лизик, у тебя просто талант! Ты могла бы стать актрисой, ей-богу...

Продолжая квохтать, Лиза ковыряется рукой под юбкой и вытаскивает оттуда яйцо. В кухню входит Андрей Иванович. Треск пишущей машинки.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну ты как всегда валяешь дурака, племянница?

ЛИЗА. Нет. Я как раз не валяю дурака. Я на полном серьезе.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Н-да... Русский человек любит прикидываться дурачком...

ЛИЗА. Вон Варвара из церкви идет...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А как насчет завтрака?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Восемь фунтов – это три килограмма творогу, и два фунта сметаны – это восемьсот грамм, и два фунта сливочного масла...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Я пройдусь перед завтраком...

Снимает с вешалки старый плащ, шляпу, медленно одевается. В дверях сталкивается с Варварой.

ВАРВАРА. Добрые люди уже отобедали, а у нас еще завтрак не подавали...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вавочка, не сходишь ли в магазин за творогом...

ВАРВАРА. Нет, Маканя. Мне надо отдохнуть, я пять часов в церкви отстояла. Сегодня Страстной Четверг.

Треск пишущей машинки замирает. Одновременно появляются Наталья Ивановна и Семен.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что, обед еще не готов?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Еще завтрак не готов.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. А-а... (Уходит.)

СЕМЕН (Андрею Ивановичу). Хотел я вам сказать, Андрей Иванович... тут дела такие разворачиваются... Слыхали?

Вместе уходят. Варвара наливает кипяток из чайника в стакан.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вавочка, ты там ходи осторожно. Там на полу осколки...

Варвара присаживается к краю стола.

Ты такая бледная, Вавочка? Ты неважно себя чувствуешь?

ВАРВАРА. Ты единственный человек в нашей семье, с кем можно разговаривать.

ЛИЗА. А я? Очень многие люди, особенно мужского пола, обожают со мной разговаривать...

ВАРВАРА. Оставь свою клоунаду, Лиза.

Звонит мобильный телефон.

ЛИЗА. Вот видишь – особи мужского пола обожают со мной разговаривать. (Включает телефон и прижимает к уху, мурлычет протяжно.) Алле-е... Я рада, что ты мне позвонил... У тебя такой приятный голос... А мой голос тебе нравится, правда ведь? (Поднимается по лестнице.)

ВАРВАРА. Маканя, я больше не могу здесь жить. Все.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вавочка, ну что же делать? Московская квартира сдана, и если мы переедем в город, нам совершенно нечем будет жить... ВАРВАРА. В Москве вообще невозможно жить... Ты помнишь, какая прелесть была наша Старая Басманная? Во дворе огромные липы... А теперь из одного окна стройка, из другого этот кошмарный дом с новыми русскими... Нет. Я бы поехала куда-нибудь в провинцию, в старый русский город... Где люди неиспорченные... куда не добралась вся эта мерзость...

Гаснет свет. Константин вскакивает, срывает наушники.

КОНСТАНТИН. Гвоздец!

ВАРВАРА, МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (хором). Константин!

КОНСТАНТИН. Опять вырубали! Все пропало! Опять!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (щелкает несколько раз выключателем). Действительно... Выключили...

КОНСТАНТИН. Все пропало! Три часа работы!

(Уходит.)

ВАРВАРА. Сумасшедший дом. Хоть в монастырь уходи...

Вибрация отбойного молотка, на этот раз сильнее.

ВАРВАРА. Что это?

С улицы входит Андрей Иванович, медленно раздевается.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ты слышишь? Ты чувствуешь? Я Наталье Ивановне давно уже говорила про этот отвратительный звук! А она его не замечает... Ты помнишь, здесь раньше был военный завод. Мне кажется, они его опять открыли, но теперь под землей...

ВАРВАРА (крестится). Страна пропадает. Кто мог это предвидеть? Сто лет тому назад в наших местах была нетронутая природа, березовые леса и боры... А теперь ни одной сосны... А сады? Какие сады были! Когда прадед купил здешнюю усадьбу, здесь были сады, известные по всей России.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Значит, не я одна, ты тоже эту вибрацию чувствуешь, а?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Варя, ты бы Чехова почитала. Антон Павлович, конечно, многое насочинял, где-то очернил, где-то приукрасил, а кое-что, наоборот, возвысил до чрезвычайности, но уж что касается садов – извини... Когда Лепехин здешние земли покупал, сады уж окончательно выродились. Что же касается усадьбы, то усадьбу он как раз и не покупал. Он ее взял в приданое за своей женой, которая была этой усадьбы наследницей... Бабушка Аня... У мамы спроси, у нее все записано.

ВАРВАРА. Ой, эта старая песня...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А дед твой, мой батюшка, академик Лепехин, селекционер, все хотел здешнюю породу вишни восстановить, однако не удалось...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вот особенно когда здесь стоишь, просто трясет и трясет...

ВАРВАРА. Не говори мне про него. Это позор. Слава Богу, у нас фамилия другая... Впору было бы менять...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А вот это глупости... Родителей нельзя стыдиться. Это грех. Твой дед Иван Ермолаевич Лепехин всю жизнь трудился. Ну, с вишней у него не получилось, зато новый сорт киви вывел, и крыжовник «Заря коммунизма» очень хорош был.

ВАРВАРА. Это которого два куста за старой уборной?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. В свое время вся страна его сажала...

ВАРВАРА. Нуда, а сам он генетиков сажал! Соседи с ним не разговаривали!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Соседи! Что ты хочешь от соседей? В России соседи всегда сволочи! Кто усадьбы жег? Соседи! Кто доносы писал? Соседи! Кто полстраны посадил? Соседи!

ВАРВАРА. Неправда, дядя! Соседи – это общественное мнение! А деда – не любили, да.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да что ты так взъелась, Вава? Ты думаешь, твоего отца соседи любили? Он что, папаша твой, Николай Яковлевич Дворянкин, большой славой себя покрыл?

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Андрей Иванович! Как это вы себе позволяете такое говорить?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Я только говорю, что дети должны родителей почитать. Грех родителей не почитать... Не правда ли?

ВАРВАРА. Дюдя, только ты мне про грех не говори, ладно? Что твое поколение про грех знает? Вы же поколение невинных людей: никто ни в чем не виноват! Такую страну разрушили!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Брат Николай был кристальной чистоты человек! Настоящий коммунист! В нашей семье...

ВАРВАРА. Маканя! Помолчи, ради Бога!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Мария Яковлевна, вы переходите границы... У нас в семье были крестьяне, купцы, дворяне были, но коммунистов – никак нет-с! Коммунисты – это с вашей стороны! А ты, Вавочка, напрасно так горячишься. Не надо идеализировать прошлое. И не надо идеализировать будущее.

Достает из кармана пальто бутылку водки, Мария Яковлевна замечает.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вы ходили в магазин!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну, ходил!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Так почему же вы не купили творогу для сырной пасхи?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Мария Яковлевна, голубушка! Я вышел погулять перед завтраком... Пройтись... Я и не собирался в сторону магазина. Но за мной увязался Семен... (Раскупоривает бутылку, открывает дверцу буфета, она падает. Он ищет рюмку в буфете, достает, ставит дверцу на место.) И он рассказал очень интересные вещи. Оказывается, в нашем поселке за эту зиму проданы двадцать четыре дачи. И цены на наши участки падают, потому что мы стоим на какой-то красной черте. Какая-то реконструкция, перестройка и ускорение... Кстати, куда делось ускорение? Перестройка осталась, а ускорение куда-то делось... (Наливает рюмочку, выпивает.) Тогда же еще и трезвость хотели ввести... а с этим в России шутить нельзя! Впрочем, это еще при позапрошлом царе было...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вавочка! Что он говорит? При каком царе? С царской властью было покончено в семнадцатом году... У него что-то с головой... ВАРВАРА. Дюдя! Какой ты все-таки циничный человек...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (смеется). Вавочка, ласточка моя! Я не циничный человек. У меня нежная душа. Просто я... ты же знаешь, русский человек любит прикидываться дурачком... А? Так что там с завтраком? Хоть закусить-то дайте... (Садится за пианино, играет. Из Бетховена. Нечто патетическое.) Изумительная! Нечеловеческая музыка! Не правда ли – русскому человеку в высшей степени свойствен возвышенный образ мыслей! И трезвость!

На музыку из всех дверей сходится семья: Наталья Ивановна, Лиза, Елена с Константином. Константин отодвигает от стола один из стульев.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Осторожно! Не трогайте! Этот стул не трогайте! Вчера от него отломилась ножка. Я ее под буфет спрятала!

Константин молча переворачивает стул вверх ножками и обиженно садится к компьютеру. Остальные рассаживаются вокруг стола. Неожиданно загорается висящая над столом лампа. Константин надевает наушники. Потом снимает – раздается мощный бит.

ВАРВАРА. Я, пожалуй, есть не буду...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Посиди с нами, Вавочка. У меня прекрасная новость. Сегодня я закончила перевод четвертого тома!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. За это следует выпить!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Нет, Наток, нет! Я чисто теоретически...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. ...четвертого тома собрания сочинений Евдокии Калугиной, нашей знаменитой соотечественницы...

ЛИЗА. «Любовь в аду», «Содом в раю», «Прах девственницы», «Трах нравственности»...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Лиза, не будь злой...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Так выпьем за нашу знаменитую соотечественницу, за нашу родственницу, за твою невестку Евдокию Калугину! (Наливает.)

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ну к чему эта ирония? Евдокия Калугина, то есть наша Аллочка, – прекрасный человек. И замечательная писательница! В любом книжном магазине, во всех ларьках, на железнодорожных станциях, в аэропортах – всюду стоят тысячи ее книг! Ее любят миллионы... Она народный – да, именно народный писатель! И прекрасная жена Ростиславу! И прекрасная мать своих детей!

ЛИЗА. Пронесли... Белинского и Гоголя уже пронесли с базара... А теперь несут Евдокию Калугину... Большими миллионами тиражей. Со всех базаров нашей необъятной родины и ближнего зарубежья...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. К чему эта ирония, Лиза? Да, Евдокию Калугину теперь прочтут и в Америке, и я не стыжусь, что трачу на этот перевод силы...

ЕЛЕНА. Мама, а она заказала тебе перевод этих двенадцати томов, уже имея договор с каким-нибудь издательством, или за свой счет на английском языке издавать будет?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Леля, на книгах Калугиной ни одно издательство не прогадает... Их разбирают как горячие пирожки...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Надо, чтобы кто-нибудь сходил в магазин и купил творогу. Леля, может, попросишь Константина?

КОНСТАНТИН (от компьютера). У меня программа загружается...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Я уверена, что книги Калугиной на Западе тоже будут иметь успех. Люди всюду одинаковы... А она такая человечная, добрая, и книги ее... ну, как бы это выразиться... не вредны. И даже полезны!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. О боже, каша подгорела!

Вскакивает, снимает кастрюлю с плиты.

ЕЛЕНА. Почему каша? Мы завтракаем или обедаем?

ЛИЗА. А который час?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Пятый...

ВАРВАРА. Мама, ну что ты говоришь! Какая польза? Обычная макулатура! Великая русская литература воспитывала в поколениях бодрость, веру в лучшее будущее, воспитывала идеалы добра и общественного самосознания...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. В шестом часу, конечно, уже можно поесть супу...

ВАРВАРА. А тебе, дядя, лучше бы помолчать...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Я с половины пятого на ногах! Я не варила суп, я ставила куличи!

ВАРВАРА. ...а книги Евдокии Калугиной – пошлость. Обыкновенная пошлость! Я не буду есть.

Простите меня... (Уходит.) АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (тихо). Охфвлиа, иди в монастырь.

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
ЛИЗА. А сыр есть?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. В холодильнике колбаса.

Сыр съели.

Лиза достает из холодильника остаток колбасы.

ЛИЗА. И колбасу практически съели.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (вслед Варваре). Вавочка! Но ты не права...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Совершенно нервы расстроены... Вава переутомлена... И потом, она же совершенно ничего не ест. Весь пост она совершенно ничего не ест! Ужас какой-то!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Я же говорю – русскому человеку в высшей степени свойствен возвышенный образ мыслей.

КОНСТАНТИН. Сосредоточь внимание между бровями, и пусть ум будет прежде мысли.

ЛИЗА. Кто это всю колбасу съел?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да, да. И Николай Яковлевич тоже говорил, что русский человек стихийный материалист!

ЛИЗА. Маканя, не говори так, Вава очень расстроится, если услышит.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. У вавы с отцом были близкие отношения, они были очень дружны...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Он был настоящий коммунист и свято в это верил...

ЛИЗА. Вава у нас тоже свято верит.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Каша-то пригорела.

Мария Яковлевна раскладывает кашу по тарелкам, пробует.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Нет, ничего... Не пригорела...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток, а сколько Варваре лет?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Тридцать два.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Н-да... То-то и оно...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ну и что? Я родила Лизу, когда мне было за сорок!

ЛИЗА. У вас было плохо с противозачаточными средствами...

МАРИЯ Яковлевна (с аппетитом ест кашу). Что она говорит? Лиза, что ты говоришь?

ЛИЗА (ест бутерброд с колбасой). Маканя, я имею в виду, что происходит вырождение. Обратите внимание: Андрей Иванович, дядя, старший в семье, профессор математики, знаток музыки, любитель испанской литературы, ценитель балета, в сущности, даже красавец... дальше мамочка – высокая, красивая, талантливая, владеет пятью иностранными языками как не фи́га делать, очень добрая и чудесная мамочка родила первого сына Ростислава, высокого, красивого и исключительно делового, потом Варвару, у нее тоже хорошая фигура, вполне приятная внешность и к тому же она у нас самая духовная, но уже что-то не то... Дефицит жизненных сил. Живет и надрывается... Третья Елена – красавица, но средних способностей и полностью лишена духовного начала... Заботится исключительно о теле. Зато здоровье хорошее. Правда, Леля? Я же правду говорю?

ЕЛЕНА. Мели, мели...

ЛИЗА. И наконец, я! Дитя престарелых родителей. Рост один метр пятьдесят два сантиметра. Толстая. Внешность – от-вра-ти-тельная! Зрение – минус шесть с половиной! Диабет и порок сердца...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лизочка! Но ведь компенсированный! Порок компенсированный!

ЛИЗА. Подожди, Маканя, дай мне закончить выступление. И все, что мне досталось от богатства предков, – немного серого вещества! Надо сказать спасибо родителям, что они не родили еще и пятого... Он уж точно был бы ментальным инвалидом!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Какие глупости ты говоришь, Лизочка!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Лизочка, ты прелесть! Если б я был молодым человеком, я бы непременно в тебя влюбился.

ЛИЗА. Неправда, Дюдя! Когда ты был молодым человеком, ты влюбился в Железную Жизельку!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Лиза!

ЛИЗА (встает на стул и делает ласточку. Стул под ней трещит и ломается. Лиза встает как ни в чем небывало). Конечно, она весила сорок килограммов, и стулья под ней не рассыпались...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Прекрати клоунаду!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (подходит к буфету, наливает рюмочку). Я передумал, Лиза. Если я когда-нибудь опять буду молодым, я снова влюблюсь в балерину. Эти умницы все такие глупые...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя!

ЛИЗА. А балерины?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Балерины стервы, но очень женственны... В них есть что-то испанское...

Звонит мобильный телефон, Лиза отвечает.

ЛИЗА (мурлычет). Да... Я так рада, что ты позвонил... (Идет к лестнице, поднимается.) У ^ тебя такой приятный голос. Возбуждающий голос... И такой мужественный...

Лиза поднимается по лестнице в мезонин.

ЕЛЕНА. Скучно. Может, съездим в город...

КОНСТАНТИН. Зачем ехать? Надо постоять в позе дерева.

Оба становятся в позу дерева.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (Наталье Ивановне). Я давно замечаю, что... Мне кажется, у нее роман...

Стук в дверь, входит Семен и втискивает в дверной проем снятую с петель дверь.

СЕМЕН. Вот.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Что – вот?

СЕМЕН. Дверь. Принес. Хорошая дверь. Никак, обедаете? Я попозже зайду.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Зачем попозже? Мы уже поели. Не хотите ли вот каши? (Принюхивается.) Чем это от вас пахнет?

СЕМЕН. Не, благодарствуйте. Мы там уже с ребятами...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Зачем нам дверь?

СЕМЕН. Дуб. Отменный материал. Сто лет простоит. (Замечает Елену с Константином в позе дерева.) Чего это с ними?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Китайские упражнения.

СЕМЕН. Ну Ленка дает!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (догадывается первая). А, это дверь для уборной?

СЕМЕН. Так сами же заказывали.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Семен! У нас есть дверь в уборной.

СЕМЕН. Так то в доме. А на улице в уборной – нет.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (осматривает дверь). Действительно, хорошая дверь.

СЕМЕН. Я и говорю. Сто долларов всего. А такая новая двести стоит!

Елена и Константин давятся от смеха, зажимают друг другу рты. Мария Яковлевна принохивается.

Я вам ее поставлю в той уборной, и будете туда ходить. Недорого возьму за работу.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А что, уборную в доме нельзя починить?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Пахнет селедкой! Нуда, от вас, Семен, пахнет селедкой!

СЕМЕН. Чего же плохого в селедке?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Все-таки в этом доме всегда была канализация...

СЕМЕН. Смысла нет. Дача вся сгнила, трубы – одна ржавчина. А я вам эту дверь на сортир навешу, сто лет на дворе простоит!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А чего вы ее в дом приволокли?

СЕМЕН. Для показа.

КОНСТАНТИН. Чувствуй космос как прозрачное вечноживое присутствие.

СЕМЕН. Чего ты сказал?

КОНСТАНТИН. Шива сказал.

СЕМЕН. Сам ты вшивый... Чего это он?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Слушайте, Семен, она не годится. Там дверка, я помню, маленькая была. А эта парадная, большая дверь.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Хорошая дверь! Очень хорошая дверь!

СЕМЕН. Большое дело! Велика – не мала. Проем дверной можно и побольше прорубить, под размер. Дверь-то больно хороша. Второй такой не будет. Ну пошли, по месту посмотрим...

Взваливает на спину дверь, долго вписывается с ней в дверной проем. Выходит.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну пошли, посмотрим...

Выходит следом.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Иногда мне кажется, что весь мир сошел с ума...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Кажется, дождь собирается...

ЛИЗА (спускается с лестницы под зонтом). Дождь уже не собирается. Льет со страшной силой. А крыша протекает как решето... Где таз?

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Слышите? Где-то капает... Зачем тебе таз? Ты что, собралась голову мыть?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Это на мезонине капает.

ЛИЗА. Маканя! Ты посмотри, по стене течет...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Действительно! И около двери лужа! Сейчас я принесу тазы. У нас в чулане много старых тазов...

Мария Яковлевна выходит.

ЕЛЕНА. Пойдем погуляем, Костя. Я так люблю дождь.

КОНСТАНТИН. Не пойду. Мне работать надо...

ЕЛЕНА. Всем работать надо. Ну, выйдем ненадолго, а то ты все работаешь и работаешь. Никакого от тебя проку.

Мария Яковлевна возвращается с тазами и тряпкой, Лиза берет один из тазов и уходит наверх, Мария Яковлевна ставит стул возле двери, на него таз. Звонкая капель.

Новая рулада кошки.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Если поставить на пол, все будут его переворачивать у двери...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Бедное животное... Почему она так орет?

ЕЛЕНА. Она сидит на дереве и не хочет слезать.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Не понимаю. Почему она не слезает? Ведь дождь...

ЕЛЕНА. Может, ей там нравится...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Выше моего понимания... (Уходит.)

ЕЛЕНА. Пошли, погуляем. Ты снимешь кошку с дерева...

КОНСТАНТИН. Не пойду. Может, ей там нравится...

ЕЛЕНА (хрипло мяукает). Мяу! Пошли! Ну, Котик!

Константин снимает с вешалки плащ, берет зонтик.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Леночка, посмотри, пожалуйста, мне кажется, тазик худой. Из него на пол течет.

ЕЛЕНА. Какая разница? И так течет, и так течет...

Елена и Константин выходят на улицу.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (кричит в ужасе). Ой, моя опара! Я совсем забыла! Она поднялась и осела! Что теперь делать? Все погибло! Наташа! Наташа!

Вбегает Наталья Ивановна.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что случилось, Маканя?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Пропало! Все пропало!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Опара пропала! Теперь тесто не выходит. Кулички пропали!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что кулички? У меня сегодня весь день пропал!

Входит Андрей Иванович с Семеном, уже без двери, натыкаются на стул с тазом.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Осторожно, там тазик!

СЕМЕН. Да у вас крыша течет.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Как же так? Вы же в прошлом году чинили...

СЕМЕН. А ее чини – не чини... Смысла нет. Менять надо. Я в том году только покрыл, где уж совсем сгнило. А по-хорошему, надо новую крышу... Или дом сносить. Может, оно и дешевле будет.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А дверь в самый раз пришлась. Тютелька в тютельку...

СЕМЕН. На той неделе навешу...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Как это на той неделе? А как же мы будем жить – без уборной?

СЕМЕН. Не, после Пасхи... Я сегодня занят. С утра было восемь заявок, а я тут с вами провозился, так что заявки не успел. С вас сто долларов за дверь... ну и за работу сколько не жалко...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Какое-то безумие... Так жить нельзя... (Уходит.)

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А почему так дорого, Семен?

Андрей Иванович садится к пианино, играет из Бетховена.

СЕМЕН. Да жизнь дорога стала, Мария Яковлевна!

С улицы раздается кошачий вопль и рев Константина, через минуту с улицы влетает Константин с окровавленной рукой, за ним Елена, опрокидывают стул с тазом.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Осторожно! Боже! Что случилось?

КОНСТАНТИН. Рука! Рука!

ЕЛЕНА. Эта кошка просто идиотка! Костя залез на дерево, чтобы ее снять, а она его посмотрит, как цапнула! До кости! Где йод?

КОНСТАНТИН. Ой, рука! Черт меня дернул! Орала себе и орала бы... А я теперь работать не смогу! Больно, черт!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. В аптечке! В аптечке, Лелечка!

Елена бросается к аптечке, вытаскивает оттуда какие-то пузырьки.

ЕЛЕНА. Здесь валокордин. Пять... восемь пузырьков валокордина! Никакого йода! И бинта нет! Дайте хоть носовой платок, Господи!

Андрей Иванович играет на пианино «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

ЕЛЕНА (кричит). Лиза! Лиза! Отвези нас в медпункт! Лиза! Быстренько!

СЕМЕН. Поссать на руку надо. Народное средство. Ото всего помогает.

КОНСТАНТИН (зло). А посрать не надо?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Нет, что ни говорите, сто долларов – очень дорого! Сто долларов!

Лиза спускается по лестнице.

ЛИЗА. Чего у вас там?

ЕЛЕНА. Мурка, эта идиотка, вцепилась в Константина...

ЛИЗА. Каждая идиотка рада вцепиться в нашего Константина...

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
ЕЛЕНА. Отвезешь в медпункт, а? У нас дома ни йода, ни бинта...

КОНСТАНТИН. Не поеду ни в какой медпункт!

ЛИЗА. А пусть нажмет на китайские точки! (Пародирует китайский массаж по точкам.)

ЕЛЕНА. Ты что? Кровь течет! Какие точки!

ЛИЗА. Сто долларов...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Нет, сто долларов – это все-таки слишком дорого...

ЕЛЕНА. Ты что, Костя, а если заражение крови? Лиз, не валяй дурака, одевайся!

ЛИЗА. У меня бензина нет.

ЕЛЕНА. Я куплю. Поехали.

ЛИЗА. Полный бак?

КОНСТАНТИН. Я истекаю кровью... Смотрите, течет и течет...

ЛИЗА. Полный бак и сто долларов!

ЕЛЕНА. Какая же ты жучка! Помнишь, ты маленькая была, я тебе свой плеер подарила!

ЛИЗА. Помню. Плеер был хороший. Так и быть. Отвезу. Очень хороший был плеер. Ладно, дам скидку Двадцать долларов в час... (Вынимает свой мобильный.) Оператор! Отключите на два часа!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (Семену). Может, действительно, двадцать долларов в час?

СЕМЕН. Это вам тоже на тоже будет... Да ладно, после Пасхи разберемся... До свиданья пока... (Андрею Ивановичу) Так вы заходите завтра по утрянке, Андрей Иванович, поговорим... Дело у меня к вам... (Уходит.)

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Зайду может, зайду...

Лиза, Елена и Константин выходят, слышно, как отъезжает машина.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Дрожжи у меня не все вышли, опару можно заново поставить... Или прямо в эту добавить... Или эту выкинуть... Ума не приложу...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Не прикладывайте ума, Мария Яковлевна... Хорошего варианта у нас нет... Оба хуже... Се ля ви... (Играет на пианино нечто меланхолическое.)

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. У Натальи Ивановны была Молоховец... Надо посмотреть...

Уходит. Андрей Иванович продолжает играть. Входит Наталья Ивановна.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Может, выпьем кофе? Пока Маканя там ищет Молоховец...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Можно... можно выпить кофе...

Наталья Ивановна замедленно движется в поисках кофейника, кофе, ложечки, спичек. Варит кофе.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Знаешь, Дюдя, я мечтаю, что, когда сброшу с плеч эту работу, приведу в порядок весь семейный архив. У нас уникальные семейные материалы... Такой срез истории... Наша прабабушка по материнской линии – боярского рода Мурзиковых, в летописях четырнадцатого века первые упоминания этой фамилии. Считается, что Мурзиковы происходят от потомков Кублай-хана! Граевские, мелкопоместные дворяне, род незначительный, но дал двух героев Отечественной войны 1812 года. Через сестру прабабушки Марфу Мурзикову вышедшую замуж за француза, мы находимся в отдаленном родстве с Буонапартом...

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Послушай, Наток! Ты помнишь, что бабушка жила во Франции с этим... французом, который ее обобрал... Так вот он, если мне память не изменяет, находился в родстве с парикмахером, который стриг и брил Наполеона... Вот что я помню...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Нет, ты что-то перепутал! Этого не может быть! Тот француз был композитор, очень известный человек... Не Берлиоз, но тоже знаменитый. (Выключается электричество.) Ой, опять! Дюдя, зажги, пожалуйста, свечи... (Андрей Иванович зажигает свечи.) И еще был декабрист Граевский, дедушкин брат, предводитель дворянства Орловской губернии. Через него мы в родстве с Кутузовыми, Аракчеевыми и Тургеневыми...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А с муму? С муму мы не в родстве?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ах, перестань! Я совершенно серьезно... Следишь за моей мыслью? А если хорошенько поработать в исторической библиотеке, я уверена, столько подробностей, столько интереснейших деталей выяснится... Например, Лавуазье, Эстергази, Рюриковичи...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А если потрясти нашего крепостного прадедушку, то и до варягов можно добраться...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ой, кофе убежал! Но не весь...

Андрей Иванович открывает дверцу буфета, подхватывает ее на лету.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя! Опять?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да я хотел достать кофейные чашки...

Наливает в рюмку из бутылки, быстро заглатывает, вынимает кофейные чашки.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. А куда все подевались?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Лиза с Лелей повезли Константина в медпункт. Его Мурка покалечила.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Да что ты говоришь? Ну и Мурка! Вот я закончу перевод – напишу историю нашего рода. Масса, масса материалов. Чехов изобразил нашу семью несколько иронически. И надо восстановить справедливость...

Входит Мария Яковлевна с книгой.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вот. Нашла. Я все перепутала... Как это я забыла, опару – это на блины, а на куличи никакой опары. Так что эту опару мы просто выбросим, и все... А про куличи у Молоховец написано так... (Листает книгу, читает.) «Тесто должно подходить непременно три раза: первый раз, когда будет растворено, второй – когда будет замешано...» Это не то... Вот! «Если берутся дрожжи сухие, то на каждые четыре фунта муки надо брать приблизительно по три золотника сухих дрожжей, то есть на одну копейку». Вот что я не понимаю... на одну копейку – это по-теперешнему счету сколько?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Вы имеете в виду сколько это в долларах?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя! Ты как маленький, ей-Богу! Это же копейка царская! Кто знает, как она соотносится с долларом?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Я этим вопросом интересовался в свое время. Монетарная политика России начала века была хорошо вписана в общеевропейскую того времени. Золотой запас обеспечивал...

Звонит городской телефон, Наталья Ивановна снимает трубку.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Да, я слушаю... Здравствуйте, Анна Павловна! Да, да, передаю трубку...

Передает трубку Андрею Ивановичу.

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Наталья Ивановна (шепотом, со значением). Анна Павловна!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да, Анна Павловна! (Пауза.) Сегодня? Ты хочешь, чтобы я приехал? Да, хорошо, Нюся... Немедленно еду... (Вешает трубку.)

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что случилось, Дюдя?

Андрей Иванович идет к буфету, совершенно не таясь наливает рюмку водки, выпивает.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Где мой черный костюм, Наташа?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Какой костюм, Дюдя?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Похоронный... Скончался академик Кручинский... Да... Анна Павловна просила, чтобы я немедленно приехал... Да...

Уходит к себе в комнату. Наталья Ивановна и Мария Яковлевна стоят в ошеломлении.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вы поняли? Муж Анны Павловны умер.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Анна Павловна? А кто это?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ну это... ну... Железная Жизелька.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А! Железная Жизелька! Так ее мужу, должно быть, чуть не сто лет...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ах, вы ничего не поняли! Какое это имеет значение, сколько ему лет... Боюсь, что Дюдя на ней женится...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Наталья Ивановна! Андрею Ивановичу шестьдесят семь лет! Кто это женится в таком возрасте? Если он не женился раньше, зачем ему жениться теперь?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вы не поняли! Дача записана на Андрея Ивановича, и мои дети – его единственные наследники...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Естественно, ведь они внуки своего деда!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Андрей Иванович – благороднейший человек, но Анна Павловна – настоящая хищница! всю жизнь она держала его на поводке. Выходила замуж, разводилась, опять выходила... От нее можно всего ожидать...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Наталья Ивановна! Так Жизельке-то самой шестьдесят шесть лет!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Это не имеет значения. Она великая балерина! (Загорается свет.) Если она не найдет ничего лучше, возьмет его...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Найдет. Тоже мне, кусок золота! Я бы лично никогда за этого старого пьяницу не пошла, хоть я и не великая балерина.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что происходит с электричеством? Лучше бы его совсем не было! Второй месяц каждые два часа отключают... Какая была глупость с моей стороны, что я не приняла тогда свою долю от дачи... Мне осталась квартира, а Дюдя всегда жил здесь... Это все Колины принципы!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да. Брат Николай был человек с принципами. Этим можно гордиться!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Я и горжусь!

Подъезжает машина, в дом вваливаются Лиза, Елена и Константин с перевязанной рукой. Константин сразу же ложится на диван. Стонет.

ЕЛЕНА. Мамочка! Можешь себе представить – Косте надо делать уколы от бешенства! Они сказали, что, возможно, кошка заразилась бешенством, потому что нормальные домашние кошки не сидят на деревьях. Представляешь, сорок укулов от бешенства!

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
КОНСТАНТИН. И прямо в живот! А игла – в палец толщиной! И прямо в живот!

ЛИЗА. А я говорю, нет у нас никакого бешенства, одно только тихое помешательство! (Достает плитку шоколада, отламывает кусок.)

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лиза! Воздержись!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Пока вы ездили в медпункт, позвонила Анна Павловна и сообщила, что ее муж скончался...

ЕЛЕНА. Какая Анна Павловна?

ЛИЗА (восторженно). Железная жизелька! Ура! Теперь они поженятся! Дюдя женится на живой легенде! Это почти как Уланова! Как Плисецкая!

Спускается Андрей Иванович в пальто и шляпе, в кашне и с тростью, подходит к буфету, выпивает рюмку.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Н-да... Наток, я не нашел черного костюма... Будь любезна, поищи, пожалуйста, он должен быть где-то в шкафах... Лизик, не будешь ли ты так любезна отвезти меня на станцию?

ЛИЗА. Дюдя, о чем речь? Конечно, отвезу. Да я тебя и в Москву отвезу. Мне все равно ехать надо.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Куда?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А обед?

ЛИЗА. В университет!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. На ночь глядя?

ЛИЗА (примирительно). Мамочка! У меня завтра первая пара в девять часов. Я же к девяти отсюда не доеду. Пробки на дороге. Я переночую у подруги и вместе пойдем на лекцию... Сейчас, Дюдя, я только переоденусь. (Идет наверх, все сидят в молчании.)

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя... Может, тебе не стоит ехать... это так нервно... при твоём сердце...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. О чем ты говоришь, Наток? В этом году пятьдесят лет, как мы с Анной Павловной знакомы... Мы познакомились в год, когда она закончила хореографическое училище и получила первую партию...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Жизели?

Мощный кошачий вопль с улицы.

КОНСТАНТИН. Я ее, заразу, убью.

По лестнице спускается Лиза – одежда ее пародировала балетную пачку. Она берет Андрея Ивановича под руку.

ЛИЗА. Дюдя, а можно я буду твоим шафером?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. На похоронах?

ЛИЗА. На свадьбе!

Они выходят. Хлопает дверь, электричество отключается.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (вслед). Лизик! Осторожно на шоссе! Дорога мокрая! (Садится.) Бедный Николай! Какое счастье, что до этого не дожил! Эта жизнь, шалей-валяй! Никакой дисциплины, никакого порядка! Он бы этого просто не пережил!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Да! Он и того-то не пережил!

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Интермедия

Вставка в темноте, означающая протекание времени. Вспыхивают свечи, фонарики, движутся по сцене фигуры в разных направлениях, среди них медсестра в белом халате, Семен и некто в кепке. Мелькает даже Микки Маус. Музыка, построенная из партии ударных, фортепианной игры Андрея Ивановича, стрекота пишущей машинки, трелей телефонных звонков, мяуканья кошки. На этом фоне звучат реплики.

- Осторожно! Уборная не работает!
- Где эти битые яйца?
- Это медсестра пришла делать Константину укол.
- Надо вызвать мастера по ремонту пишущих машинок! Это катастрофа! Я не могу работать!
- Он не работает!
- Она не работает!
- Я работаю как ломовая лошадь!
- Не надо идеализировать прошлое!
- Не надо идеализировать будущее!
- Вы серо живете, вы много говорите ненужного!
- Дача разваливается! Ну неужели никто ничего не сделает?
- Надо позвать человека! Где Семен?
- Пускай Ростислав в конце концов займется домом!
- Надо перестать восхищаться собой! Надо работать! Надо тяжело работать!
- Лучше помолчим!
- Идеалы добра и общественного самосознания!
- Пятьсот долларов в неделю на хозяйство...
- Ермолай купил имение, прекрасней которого ничего нет на свете.
- Антон Павлович много насочинял: кое-что преувеличил, кое-что изменил...
- Лиза! Воздержись!
- Какой у вас голос... возбуждающий...
- Я не работал ни разу в жизни. Лакей стаскивал сапоги. Я буду работать.
- Пускай работает рабочий! И не рабочий, если хочет! А я работать не хочу!
- Не надо идеализировать прошлое!
- Теперешняя жизнь будет со временем казаться странной, неумной и грешной...
- Поставьте самовар! Кто-нибудь, поставьте самовар!
- Прививки от бешенства! Сорок прививок от бешенства! Всем прививки от бешенства!
- Прививки от тихого помешательства!
- Если бы жить начать снова!
- В нашем городе самые порядочные, самые благородные и воспитанные люди – это

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
военные!

- Пекин. Здесь свирепствует атипичная пневмония. Простите, оспа.
- Каких-нибудь двести-триста лет...
- Не надо идеализировать будущее!
- Живем в таком климате, того и гляди снег пойдет...
- У Гоголя сказано: скучно жить на этом свете, господа!
- Пасха! Пасха! Святая Пасха!
- Где Семен? Канализацию прорвало! Семен! Где Семен?
- Пасха!
- А Римского Папу не впускать! Не впускать!

Действие второе

Интермедия продолжается в темноте, все те же реплики. Возглас «Пасха!». Колокольный звон. Загорается свет. Утро. Кое-где шторы отодвинуты, проникает свет. Накрыт стол. Куличи, пасха, крашеные яйца. Жареный поросенок. За столом никого. Вокруг стола несколько стульев, остальные стулья перевернуты. Слышен стук пишущей машинки. Распахивается дверь. В ярко освещенном дверном проеме – молодая красивая пара, Ростислав и его жена Алла, она же писательница Евдокия Калугина. В их одежде много белого, по контрасту с окружающим оба словно светятся на блеклом фоне гостиной.

РОСТИСЛАВ. Смотри-ка! Стол накрыт, и никого нет!

АЛЛА. Да, пир горой...

РОСТИСЛАВ. Стол ломится.

АЛЛА. А стулья, видишь, уже все сломились.

РОСТИСЛАВ. Да... разруха!

АЛЛА. Действительно, пора с этим кончать.

РОСТИСЛАВ. С этим трудно кончать. Кусок жизни...

АЛЛА. А чем так пахнет?

РОСТИСЛАВ (неуверенно). Куличами...

АЛЛА. Куличами тоже немного пахнет... Но в основном... (Принюхивается, морщится.) А почему такая темень в доме?

Ростислав отодвигает тяжелые занавеси, свет падает из окна. Ростислав чихает. Открывает окно. Чихает Алла.

РОСТИСЛАВ. Вот и светло.

АЛЛА. Какая пылица! Шторы лет десять не стирали...

РОСТИСЛАВ. Когда еще дед был жив, там, на южной стороне, были оранжереи... Ананасы, абрикосы, орхидеи...

АЛЛА. Мичуринские?

РОСТИСЛАВ. Нет, еще от старой усадьбы...

АЛЛА. Интересно, куда все подевались? Одиннадцать часов.

РОСТИСЛАВ. Спят, я полагаю... (Звонит мобильный телефон.) Это не мой вопрос. К

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
заместителю. Нет, не обсуждается.

АЛЛА. Я считаю, что надо им сообщить... Пора с этим кончать...

РОСТИСЛАВ. Это не так просто. Ты совершенно не понимаешь маминой психологии. Она всегда смиряется с любым фактом. Но – постфактум. (Искренне любит жену.)
Дуся моя, ты шикарно выглядишь!

Ласковое прикосновение, на которое Алла снисходительно отвечает. Раздается дробь
пишущей машинки.

РОСТИСЛАВ. Слышь, все спят, а она работает. Как пчелка. Тебя, дуся моя,
переводит. Боюсь, не самая удачная твоя идея.

АЛЛА. Котик! А у меня были когда-нибудь неудачные идеи? Может, я – неудачница? И
муж у меня – лох? И дети – придурки? Может, двадцать миллионов баб от меня не
тащатся?

РОСТИСЛАВ. И как тащатся...

АЛЛА. Или ты думаешь, что от моих книг англоязычное бабье не протащится? Что у
них – бабье другое?

РОСТИСЛАВ. Почему другое? Точно такое же, как у нас!

АЛЛА. И не протащатся?

РОСТИСЛАВ. Протащатся, Дуся моя, конечно, протащатся! Куда им деваться...

Звонит мобильный телефон.

АЛЛА. Слушаю. Простите, какой журнал? Нет, не поняла, интервью? Я подумаю.
Позвоните, пожалуйста, во вторник моему лиагенту Да, спасибо... Совсем обнаглели...
Да, так вот: в этом деле главное с правильной карты зайти...

РОСТИСЛАВ. Ну ты нахалка! Моими словами чешешь! Это же я всю жизнь тебя учил –
насчет правильной карты!

АЛЛА. Научил. А здесь, ей-богу, пованивает...

РОСТИСЛАВ. Значит, муж у тебя – ничего, в порядке?

Обнимает ее сзади, она прижимается к нему. Ростислав садится в кресло-качалку.

АЛЛА. Не садись! Испачкаешься!

Он пытается усадить ее к себе на колени.

АЛЛА. Кресло-качалка точно рассыплется...

РОСТИСЛАВ. А как романтично!

АЛЛА. Муж ты – в полном порядке. Но семейство твое малахольное...

Увлечены любовной игрой.

РОСТИСЛАВ. Я люблю идею семьи. Семейные ценности... Я люблю мою семью. Согласен,
они несколько малахольные. (Смеется.) Это малахольное семейство представляет
собой вымирающую русскую интеллигенцию. Другой такой нет... Страшно далека она от
народа... Герцен ее будил, будил... Не помнишь? В школе по литературе проходила,
дуся моя?

АЛЛА. Проходила. По биологии... Вымершие животные. Называются динозавры.

РОСТИСЛАВ. Нет, по литературе. Называются лишние люди... Теперь таких не делают.
Раритет, я же говорю! (Звонит мобильный.) Не понял. У нас с ним не одна сделка
идет, а две параллельные. Пока.

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
АЛЛА. Нашел раритет! Полстраны таких раритетов! Три четверти населения – лишние люди. Никто не хочет работать!

РОСТИСЛАВ. И все-таки я уверен, история нашей семьи – прекрасный сюжет для твоей книги.

АЛЛА. Очень статично. Никакой истории как раз и нет.

РОСТИСЛАВ. Ну что ты! Как раз это и интересно!

Звонит мобильный телефон.

АЛЛА. Какой тираж прошел? Немедленно допечатку! Пятьдесят? Двести пятьдесят, я говорю... (Отключает.)

РОСТИСЛАВ. Сколько всего произошло – революции, войны, репрессии, а они не изменились, несмотря ни на что – чистые люди! Они чистые люди!

АЛЛА. Не знаю, о чем ты... Чистые! Сплошная антисанитария. Надо продезинфицировать... а еще лучше – сжечь!

Смолкает стук пишущей машинки, входит Наталья Ивановна, кидаются в объятия друг другу. Целуются, снова целуются, снова целуются.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Наконец-то! Ростик! Аллочка! Вы без детей? Как жалко! А где же Савик с Груней? Савик уже вернулся? Нет? Как вы чудно выглядите! Аллочка! Какая ты у нас красавица! Как же я рада, детки!

РОСТИСЛАВ (одновременно с матерью). Христос Воскрес! Приехали поздравить вас с Пасхой! Ну, как вы тут? Ой, подарки в машине оставил! Сейчас принесу! Где сестры мои?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что детки?

РОСТИСЛАВ. Савик в Лондоне, Грунька с няней. Новая гувернантка замечательная, с немецким, английским и французским, смешная девчонка швейцарка, ее прабабушка, представь, в России гувернанткой служила...

АЛЛА. Наталья Ивановна! Здесь так мило, такой участок огромный, и такое романтическое запустение... Как Леля, Варя? Лиза к нам заезжала как-то... Ростик, насчет швейцарки еще посмотрим, у меня есть некоторые сомнения. Савик в Лондоне до конца мая, а потом собирается на практику в Бразилию...

РОСТИСЛАВ. Слушай, мам! Что это у вас – стол накрыт, ни души... Куда весь народ подевался?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ну... Вава спит, отстояла длинную службу, пришла утром. Леля с мужем уехала вчера в Москву, у Константина рука нарываает, так что они сначала к хирургу, а потом собирались ночевать у друзей... Андрей Иваныч... О! Это действительно новость! У Анны Павловны муж умер...

РОСТИСЛАВ. У Железной Жизельки? Я думал, она и сама давным-давно умерла!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Жива-здоровая... Вызвала к себе Андрея... Его уже два дня нет. Завтра он на похороны собирается.

РОСТИСЛАВ. К мертвому сопернику?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ну что ты, Ростик, они же многие годы общались, в шахматы играли, у них были очень хорошие отношения.

РОСТИСЛАВ. Ой, Алка! Это такая семейная история! Точно для тебя! Ты дядю нашего помнишь?

АЛЛА. Да конечно помню. Был у нас на свадьбе... С усами. Гибрид Чапаева с балалайкой... и потом я его как-то видела...

РОСТИСЛАВ. Ну да! Он с детства был влюблен в балерину... И после нее всю жизнь

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
путался исключительно с балеринами...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Аллочка! Не слушайте его! Все совершенно не так! Он преданно любил ее всю жизнь, а она вышла за другого...

РОСТИСЛАВ. За несколько десятков других!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ну Ростик! Как ты можешь! Она действительно несколько раз была замужем. Но с Андреем Ивановичем всю жизнь тайно встречалась...

РОСТИСЛАВ. Это романтическая версия. А реально – всю жизнь он путался с молоденькими балеринами... Имей в виду при этом, что он математик! В голове – сплошная абстракция, какая-то Банахова алгебра, Гилбертовы пространства... и молоденькие балерины всю жизнь! Разве не сюжет? А?

С улицы входит Андрей Иванович – в пальто, в шляпе, с тростью.

РОСТИСЛАВ (целует его). Здравствуй, дядька! Христос Воскрес!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Воистину! Рад тебя видеть! О, ты с женой! (Целует Алле руку.) Редкие гости! Как кстати! Давайте к столу!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ой, что же это я! Конечно же, к столу! К столу!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А где все? А где Мария Яковлевна? Ишь, как она расстаралась! Где же она?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Она слегла, бедняжка. Радикулит разбил. Накрыла на стол и слегла... (Отходит в глубину и кричит.) Мария Яковлевна! Гости приехали!

РОСТИСЛАВ (кричит). Маканя! (Звонит мобильный телефон.) Да, Алексей! Конечно! Будем смотреть из восьми... Ну, хотелось бы. Встретимся. Обсудим. (Алле) Борташов звонил.

АЛЛА. Сам?

РОСТИСЛАВ. А куда ему деваться? Предложил встречу.

АЛЛА. Сам? (Ростислав кивает.) Нет слов!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Маканя! (Ростиславу) Сейчас выйдет. Она так тебя... вас ждала! Так готовилась! Три дня от плиты не отходила!

Андрей Иванович лезет в холодильник, достает бутылку водки. Входит Мария Яковлевна с палкой, сильно хромая.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Осторожно, Андрей Иванович! Дверка плохо захлопывается! Ростик! Дорогой мой! Мальчик мой! Аллочка! (Целует их.)

РОСТИСЛАВ. Христос Воскрес, Маканя!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ну, хорошо, хорошо! Пусть воскрес! Это, конечно, против моих убеждений, но праздник есть праздник!

РОСТИСЛАВ. Наша Маканя – враг всех религий, Аллочка! Тетя наша атеистка! (Целует ее в голову.) Все бы христиане такие были, и проблем бы не было!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да, я атеистка, Алла. Но я уважаю чужие взгляды... Вот Вава, например. Уважаю... И семейный уклад для меня – святое! Праздник – превыше всего! Я все праздники чту – Новый год, Рождество, Пасху, Седьмое ноября и Первое мая. Для меня все праздники равны!

РОСТИСЛАВ. Но есть особенно равные!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Так что прошу к столу!

Рассаживаются. Ростислав пытается перевернуть стул.

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Конечно, мой покойный брат был принципиальнее меня! Ваш отец никогда не сел бы за пасхальный стол! Да – были другие времена! Зато какая дисциплина! Какой порядок! Профком, местком, треугольник! Это теперь – шалей-валяй!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Осторожно, Ростик, там доска гнилая, можно провалиться!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Кулич немного пригорел, но только сверху. Берите поросенка, ветчину... Хрен, горчица, пожалуйста...

РОСТИСЛАВ. Нет, нет! Мне не наливай! За рулем!

Звонит мобильный телефон.

АЛЛА. Нет, свяжитесь с моим агентом. Нет, нет, я этим не занимаюсь. Только через агента. Всего доброго.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А я без руля! Да! Мне можно! Всегда можно! (Наливает себе, всем предлагает, все отказываются, кроме Аллы.) А невестка молодец! Может, Алла, вы предпочитаете коньяк?

АЛЛА. Нет, нет! Предпочитаю водку! Дезинфицирует!

Входит Варвара.

ВСЕ. Вава! Варвара! Варечка! Христос Воскрес! С праздником!

ВАРВАРА. Воистину воскрес!

Все выходят из-за стола, целуются, снова рассаживаются.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Подождите, а Лиза? Где Лиза?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. В мезонине.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Надо Лизу позвать.

Мария Яковлевна встает, хромает к лестнице. Лиза спускается по лестнице с телефоном.

ЛИЗА. Ростик! Сам приехал! (Лиза виснет на нем, как маленький ребенок, тепло целуются.) Ростик! Генерал ты наш!

Все рассаживаются, принимаются за еду.

АЛЛА. Нет, нет, спасибо, я мяса не ем...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Скажите пожалуйста... Какое совпадение! А я рыбы не ем!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ростик! Я давно тебе хотела сказать, между прочим... Вот ты купил Лизе машину, и мы теперь в постоянном беспокойстве! Девочка одна носится по ночам на машине...

ЛИЗА. Маканя! Ты забыла Ростика спросить про вибрацию!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да, Ростик! Я всех спрашиваю, никто не может мне разъяснить! Ты понимаешь, в доме какая-то вибрация! Говорили, что до войны здесь был военный завод – не слышал? Там вот мне кажется, что временами из-под земли какая-то вибрация. Не чувствуешь? (Она прислушивается.) Нет, кажется, сейчас не чувствуется? Я думаю, там какой-то вибратор! А ты как думаешь?

РОСТИСЛАВ (переглядывается с женой). Вибратор? Нет, ничего не знаю. А что ты про машину спрашивала? Какая машина?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А, машина! Которую ты Лизику подарил! «Оку»!

РОСТИСЛАВ. Я? «Оку»?

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
ЛИЗА. «Оку»! Ты мне подарил «Оку»! Ко дню рождения! Ты что, забыл, Ростик?
«Оку»!

РОСТИСЛАВ. Ах, «Оку»? Нуда, «Оку»...

ЛИЗА. Ты же не жалеешь, правда? Ты же Савику тоже купил машину, когда ему
восемнадцать лет исполнилось? Правда?

РОСТИСЛАВ (смеется). Правда... Правда... Конечно, без машины сейчас невозможно... Ты
водить-то научилась?

ЛИЗА. Закончила школу, сдала на права... Все в порядке.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Аллочка! Почему вы не кушаете? Лелечки нет, а то бы вся семья в
сборе...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Она обещала утром приехать. Скоро будет, я думаю... Ростик, ты
бы придумал что-нибудь насчет ее работы.

РОСТИСЛАВ. Mam, я Елену уже устраивал... В общей сложности три раза...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. ваш покойный отец был бы так рад...

ЛИЗА. Кулич сырой!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Нет, Лизик, он пригорел немного.

ЛИЗА. Сверху пригорел, зато внутри сырой.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ростик, ты совсем не кушаешь! Аллочка!

Стук в дверь. Входит Семен.

СЕМЕН. С праздником! Поздравляю всех!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Поздравляем вас, Семен.

СЕМЕН. Ну, я пришел насчет двери-то!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ой, как хорошо! Мы вас так ждали! Чем это от вас пахнет?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А может, немного попозже, а? У нас гости...

СЕМЕН. То сами просили – срочно, срочно, а как я пришел – заняты.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Действительно, может, завтра?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Селедкой пахнет! Конечно, селедочкой пахнет!

СЕМЕН. Сами же говорили, засор, то-се... я конкретно пришел...

Направляется к выходу, оборачивается у двери. Наталья Ивановна шепчется с Марией
Яковлевной, та встает и, ковыляя, собирает продукты: бутылку водки из
холодильника, кулич, яйца и большой кусок ветчины.

СЕМЕН. Мне бы с вами переговорить, Андрей Иванович.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Семен! Семен! Вот вам гостинцы! (кидается ему вслед, сует
продукты.) Пожалуйста!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да, да... на днях, Семен. Непременно.

СЕМЕН (полные руки продуктов). Ну, как хотите... То сами говорили – срочно,
канализация не работает, а когда я прихожу, ничего и не нужно, выходит дело...
Дверь там на улице прислоненная к уборной стоит... (Уходит с видом глубокой обиды
и оскорбленного достоинства.)

РОСТИСЛАВ. Что это за хмырь?

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ростик, это наш спаситель! Золотые руки! Все нам чинит! Если бы не он, дача бы давно рухнула! Просто бы рухнула!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Прораб местный.

РОСТИСЛАВ. Подозрительный тип!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Действительно, все нам починяет...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да! Он такой мастер! Блоху на скаку остановит!

Алла и Лиза заливаются хохотом.

ЛИЗА. Маканя! Не блоху! Коня! Коня на скаку украдет!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ах, бросьте ваши хиханьки, честное слово! Вы думаете, легко общаться с простыми людьми? Каждый раз – десять долларов.

РОСТИСЛАВ. Ну ладно вам! (Подходит к окну.) Здесь так прекрасно! Старые сосны. Там часть сада еще осталась? (Звонит мобильный.) Ты с ума сошел? Только с производителями! Даже разговору быть не может... (Разъединяет.)

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Осталось несколько яблонь.

РОСТИСЛАВ. А вишни?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Давно посохли.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Соседи говорили, померзли.

РОСТИСЛАВ. Заброшенная беседка... и такой воздух!

ЛИЗА. Ростик, а ты что, вони не чувствуешь? Лелька каждые пять минут пальчики душит духами «Пуазон», говорит, что они лучше всего вонь отбивают...

РОСТИСЛАВ (принюхивается). Да. Да... Конечно... Дача ветхая... Я уже давно хотел это с вами обсудить.

АЛЛА (Ростик). О! Только не гони лошадей!

РОСТИСЛАВ. Есть возможность обменять ее на совершенно новый коттедж, в ближнем Подмосковье. По площади и по удобству ни в чем не проиграете... Я бы сказал, значительно лучше...

Дальнейшие реплики одновременно.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ростислав! О чем ты говоришь?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Уехать отсюда? Из этого дома? Странная мысль!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Как это возможно? Это дом вашего деда! Прадеда!

ВАРВАРА. С ума сошел! Совсем с ума сошел! Ну просто новый русский! Настоящий новый русский!

ЛИЗА. Ну, брательник, ты даешь! Да кто же из такой сладкой помоечки уедет? Никогда в жизни! Только в Амстердам!

ВАРВАРА. Наше родовое гнездо...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да успокойся ты, Вава! Никто не собирается расставаться с нашей дачей. Ни обменивать, ни продавать...

Пауза. Разговор продолжается.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Усадьба эта, на месте которой сейчас дача, вместе с сельцом Покровским дана была в приданое нашей пра-пра... какой-то бабушке еще при жизни

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Пушкина. В тысяча восемьсот двадцать восьмом году, у меня все записано...
Урожденная фон Мекк...

ВАРВАРА. В здешней церкви венчался прадед...

РОСТИСЛАВ (Алле). Ну, что я говорил? (Остальным) Шутка! Я просто представил себе на одну минуту всех вас в новом доме, совершенно исправном, в котором ничего не течет и не разваливается, все работает...

ВАРВАРА. Евроремонт?

Входит Елена с Константином. У него рука на перевязи.

РОСТИСЛАВ. Ну вся семья в сборе!

ЕЛЕНА. Привет, Ростик, дай поцелую! О, ты с женой! Приветик! А что происходит?

РОСТИСЛАВ. Я высказал мысль, не купить ли для вас новую дачу. Побольше и покомфортабельней.

ЕЛЕНА. Как это? А гробы?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Какие гробы?

ЕЛЕНА. Ну, это... отчие гробы... Наши прадедушки здесь похоронены.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Николай Яковлевич, между прочим, на Новодевичьем!

ЕЛЕНА. Если бы здесь все починить, можно и дальше жить...

АЛЛА (Ростиславу). Надо работать в другом направлении.

РОСТИСЛАВ. Умница ты моя!

ВАРВАРА (Елене). Всем нужен евроремонт! Помешались на евроремонте!

КОНСТАНТИН. Леля, у меня уже рука не болит. У меня все чакры болят...

РОСТИСЛАВ. Ну почему обязательно евроремонт?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Так можно же просто починить...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Сто лет тому назад эти дачи были построены по последнему слову техники!

РОСТИСЛАВ. Да, да... Я понял, – в мире должна царить гармония! Так что и дальше живем как жили...

КОНСТАНТИН. Сосредоточься на огне, сосредоточься на огне...

АЛЛА (Елене). Он у тебя чего – немного того?

ЕЛЕНА. Сосредоточься на своем.

АЛЛА. Не хаами, детка. А то пособие сократим.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Бабушка Аня умерла здесь, в этом доме. Ей было девяносто семь лет, и она встречалась со всеми выдающимися деятелями культуры, она была знакома с Владимиром Соловьевым и с Сарой Бернар!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток, ну Сара Бернар совсем уж ни при чем!

ВАРВАРА. Это принципиальный разговор! Не только о судьбе нашей старой дачи! Это разговор о судьбе всей страны!

РОСТИСЛАВ. Варвара! Да у тебя государственное мышление!

КОНСТАНТИН. Уберите эту гребаную прану! Она кипит!

ЕЛЕНА. Кость! Костя! Ты чего?

У Константина жар и бред, но пока этого не замечают.

ВАРВАРА. Да! У меня государственное мышление! Если великой страной правят троечники, должен же кто-нибудь о ней думать!

РОСТ И СЛАВ. Да без тебя уже подумали!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Вава! Какая мысль! Девочка права: страной действительно правят троечники!

РОСТИСЛАВ. Да не убивайся так, сестра. Кого мы поставим, тот и правит...

АЛЛА. Не гони лошадей...

ЕЛЕНА. Ростик, мысль твоя насчет дачи, может, и неплохая, только было бы лучше, чтобы ты переселил нас на две дачи. Нас все-таки слишком много для одной дачи, не правда ли?

КОНСТАНТИН. Кошки, всюду кошки. В Китай! В Индию!

ЕЛЕНА (Константину). Что с тобой? Помолчи.

ВАРВАРА. Еще князь Щербатов писал – «Об ухудшении нравов в России»!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Это было двести лет тому назад!

ВАРВАРА. Да! Двести! И триста! Надо смотреть на допетровскую Русь!

ЛИЗА. Давай! Давай! Владимир Мономах! Ярослав Мудрый!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А Чаадаев? Ты не читала «Философических писем» Чаадаева?

ВАРВАРА. Твой Чаадаев католик!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Но католики тоже христиане!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Он был человек европейских взглядов!

ВАРВАРА. Это латинская ересь!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Деточка моя! Существуют универсальные идеи! Еще римляне заложили основы универсализма!

ЛИЗА. Давай, давай, Дюдя! Еще повороши! Как я люблю нашу семейку!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Наша семья всегда была самых передовых взглядов!

АЛЛА (Ростиславу). По-моему, разговор идет в нужном направлении.

РОСТИСЛАВ. В обычном...

ВАРВАРА. Эти западнические идеи всегда были отравой для России!

ЕЛЕНА. Две дачи – хорошая идея. Правда, Ростислав?

ВАРВАРА. У России свой путь!

ЛИЗА. Умом Россию не понять!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ты еще вспомни про евразийство!

ВАРВАРА. Да! И евразийство!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Какое все это имеет отношение к канализации? Ростик, ты не знаешь, почему она не работает?

РОСТИСЛАВ. Знаю, Маканя.

ВАРВАРА. В евразийстве было свое здоровое зерно!

Звонит мобильный телефон у Аллы.

АЛЛА. Алло! Черт! Разъединилось!

Нажимает кнопку. Звонит телефон у Ростислава.

РОСТИСЛАВ. Алло!

АЛЛА. В чем дело?

РОСТИСЛАВ. Ты меня набирала?

АЛЛА. Нет. А ты?

РОСТИСЛАВ. А, случайно кнопку нажал...

Оба отключают телефоны.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А нельзя ее починить?

РОСТИСЛАВ. Нельзя.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ты еще про коммунизм вспомни!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Не трогайте покойного Николая! Он был честным коммунистом! Если бы все были такими, как он! Он был материалистом и свято в это верил!

ЛИЗА. Мамочка! Ты мне можешь когда-нибудь толком объяснить, во что же свято верил папочка?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. России нужна крепкая рука! Дисциплина! И профсоюзы!

ВАРВАРА. Нужна русская национальная идея!

КОНСТАНТИН (громко, всех перекрикивая). Хари Кришна!

Опускается на пол. Варвара встает, плюет на пол и выходит.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вавочка! Куда ты?

ЛИЗА. Ростик! Скажи хоть ты, чего нужно России – крепкая рука или национальная идея?

РОСТИСЛАВ. Инвестиции нужны.

АЛЛА. Ростик, нам, кажется, пора... нам пора идти... другим путем... Мне кажется, тебе придется сократить англичанина.

РОСТИСЛАВ. Я это сделаю, как только мы сядем в машину.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Продали Россию!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да плохо продали! Русский человек и продавать толком не умеет! Вот в чем беда-то!

РОСТИСЛАВ. Да, дуся моя... Нам пора идти другим путем... Мамочка! Я завтра на три дня улетаю в Бангкок, потом в Улан-Батор, и к пятнице буду дома, так что – позвоню! Да, подарки! Лизик, помоги принести подарки из машины!

Обнимает за талию жену.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Почему никто ничего не кушает? Ростик! Аллочка! Вы совсем не покушали!

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

АЛЛА. Спасибо, было очень вкусно. Я в городе, Наталья Ивановна. Звоните, если будут вопросы по тексту! До свиданья, дорогие! С вами всегда так интересно!

Уходят вместе с Лизой.

Долгая пауза.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Не понимаю, что он имел в виду.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вава расстроилась.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток, а ты не нашла мой черный костюм?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Нашла,шла. Он в английском шкафике висел, в папином кабинете. Я его к тебе перевесила.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Спасибо, Наток.

ВАРВАРА (возвращается в гостиную). Вспомните мои слова – все это закончится полной катастрофой!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вавочка! Присядь, и не принимай так близко к сердцу. Откуда этот мрачный взгляд на вещи? Где ты видишь катастрофу? Есть новые силы! Новое поколение! Они трудятся, зарабатывают. Такие, как Ростислав, его сын Савик... Они поднимут страну!

ВАРВАРА. Не поднимут. Эти – не поднимут! И через миллион лет она будет все та же! Это катастрофа!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Подумаешь, катастрофа! Сколько катастроф было на нашем веку! И ничего – живы!

ЛИЗА (входит с охапкой подарков). Хорошая катастрофа отлично вставляет. Я лично не против!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Катастрофа, конечно, бодрит, но мы всю жизнь прожили в эпоху катастроф. Хотелось бы попробовать, как живут люди без этого...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лично меня очень волнует канализация.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Существует в естествознании теория катастроф, я когда-то переводила статью...

ВАРВАРА. Господи! Какая канализация! Мир летит в тартарары! Страна погибает! Демографическая катастрофа! Нравственный упадок! Рим! Апокалипсис! А мы сидим за столом и беседуем о теории катастроф! А катастрофа уже происходит! Здесь и сейчас!

Входит Ростислав, несет еще несколько коробок.

РОСТИСЛАВ. Какая катастрофа? О чем вы? Все отлично! Экономика поднимается! Инвестиции приходят! Долги списывают! Налоги снижают! И даже более того: каждому по потребностям, от каждого по способностям! Ну, это, правда, только в нашей отдельно взятой семье! Все! Держите подарки! Всех целую! Больше нет ни минуты!

(Уходит.)

ЛИЗА. Конец света! Ростик таких подарков навез! Мама! Смотри, фондюшница! Будем делать фондю! Это, конечно, для Дюди – рюмки! Нож для разрезания конвертов! Кость слоновая! Электроодеяло! Это Ваве! Она всегда мерзнет! Это, мамочка, тебе! (Протягивает Наталье Ивановне плоскую коробку с шарфом.) Шарф мужской, зато фирмы «Гермес». Ясно, у Ростика недавно был день рождения. Прелестные излишки подарков! А это мне, любимой!

ЕЛЕНА. Что это? Что?

ЛИЗА. Органайзер.

ЕЛЕНА. Ой, а почему тебе? Мне такая вещь очень нужна...

ЛИЗА. Перебьешься!

КОНСТАНТИН (с пола). Стекло! Стекло! Не трогайте меня! Стекло!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Девочки! Как вы себя ведете!

Звонит городской телефон. Никто не подходит.

ЕЛЕНА. дай сюда! Я старшая! Разве написано, что это тебе? Ты всегда все хватаешь первая!

ЛИЗА. Мне принадлежит по праву! Я младшая!

ВАРВАРА. Перестаньте! Как вам не стыдно!

Андрей Иванович воровато выпивает рюмочку. Наталья Ивановна грозит пальцем. Телефон звонит.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Снимите же трубку! (Ковыляет к аппарату, снимает трубку.) Алле! Алле! Айн момент! Иностранец!

Лиза и Елена кидаются к трубке. Первая хватается Елена, показывает Лизе язык.

ЕЛЕНА. Speaking! O, yes! what happened? Really? we'll invite the plumber! why? we could discuss it! Well! To increase the rent! But we have the contract at last! As you wish, mister Roberts.

Елена раздраженно бросает трубку.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что случилось? Леля! Что случилось?

ЕЛЕНА. Прорвало канализацию!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Так это уже давно... И почему по-английски?

ЕЛЕНА. Да в Москве! В нашей московской квартире прорвало канализацию, и чертов англичанин съехал! Вот что!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Это катастрофа...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. О боже! Чем же мы будем жить? У меня осталось восемьдесят долларов!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Дорогие мои! Я вынужден вас покинуть. Мне надо вернуться в город. Завтра похороны... Лизик! Не отвезешь ли меня на станцию? (Уходит в свою комнату.)

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Леля! А может, отвезти Семена в Москву, чтобы он там срочно починил? Я совершенно не представляю себе...

ЕЛЕНА. А почему бы тебе не взять аванс у Евдокии Калугиной?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Как я ненавижу эти разговоры о деньгах!

ВАРВАРА. В самом деле, мамочка?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дело в том, что этот аванс уже взят и потрачен!

ЕЛЕНА. Мамочка, а когда же ты успела?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Леля! А на какие деньги ты с Костей жила три месяца в Париже? А Лиза в Амстердам на какие деньги ездила?

ВАРВАРА. Это катастрофа... Надо позвонить Ростиславу... Пусть что-нибудь придумает! Нашел же он этого англичанина, может, найдет и другого!

Наталья Ивановна решительно идет к телефону, набирает номер.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ростик! Ты еще не доехал? В дороге? У нас неприятность... В московской квартире прорвало канализацию, и англичанин съехал... (Пауза.) Ты думаешь? Ты считаешь? Ты не сможешь? Ты не знаешь? Ты попробуешь?

Нет, это невозможно... А ты не сможешь? Нет, это невозможно. Да. Спасибо, сыночек. Да. Да, я думаю. Я знаю. Я понимаю. Да, я смогу.

Вешает трубку, молча сидит возле телефона.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А почему никто не кушает? Берите поросенка! Берите кулич! Берите пасху!

Входит Андрей Иванович в черном костюме, на локте пальто, в руке трость.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток, по всей видимости, я приеду послезавтра...

Наталья Ивановна (торопливо шарит в аптечке). Дюдя! Возьми с собой сердечное! Где же валокордин? Было много валокордина. Почему-то один йод... пять... восемь пузырьков йода...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Не беспокойся, Наток... Не беспокойся! Ты же знаешь: катастрофа, катастрофа... а в конце концов все хорошо! Все живы!

ЛИЗА. Дюдя! А куда ты сейчас едешь?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Как куда? На похороны!

Лиза берет ключи от машины, мобильный телефон, плитку шоколада.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лиза! Тебе нельзя шоколад! Воздержись!

ЛИЗА. Пошли, Дюдя, подвезу тебя до станции...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Подожди, Лиза. Не уходите. Я должна вам сообщить, что сейчас сказал Ростислав. Он сказал, что квартиру нашу сдавать больше нельзя, пока там не будет сделан евроремонт. Что сейчас он этим заниматься не может, потому что у него очень большой проект. Денег он нам сейчас дать не может, потому что у него все вложено в этот проект. И ближайшее время мы должны продержаться сами.

ЕЛЕНА. Это рука писательницы Евдокии Калугиной!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ну что ты говоришь, Лелечка!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Это катастрофа!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Нет, это не катастрофа! Просто все должны работать!

ЛИЗА. Мамочка! Не работать, а зарабатывать! Пошли, Дюдя!

Берет Андрея Ивановича под руку, он прихорашивается у двери.

ЕЛЕНА. О чем мы говорим? Я буду работать! И Костя будет работать...

КОНСТАНТИН. В третьей доле... пере... пере... перезапись... и наложение... гвоздец...

Константин принимает на полу затейливую позу – может, мостик.

ЕЛЕНА. И Варвара пойдет на работу!

ВАРВАРА. Только не на это государство!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вава! Ну чем тебе государство не угодило?

ВАРВАРА. Это государство обокрало народ! Это правительство разрушило великую страну!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Вава! Какая великая страна! А пытки, казни, репрессии! (Выходит вместе с Лизой.)

ВАРВАРА Теперь нет пыток, казней, репрессий, но сколько страданий... Нет, на это государство я не буду работать!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вавочка! А ты не работай на государство, ты работай на себя! На семью!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Каждый человек должен вносить свой вклад...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вы покушали? Передайте мне, пожалуйста, грязные тарелки.

Мария Яковлевна собирает грязные тарелки, складывает их в раковину, открывает кран. Раздается громкое урчание. Воды нет. Мария Яковлевна энергично крутит кран. Воды нет. Мария Яковлевна свинчивает кран – он остается у нее в руке. Из трубы раздается урчание.

ВАРВАРА. Наши предки работали не покладая рук – и что мы получили?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Воды нет. Совершенно нет воды. Лелечка, позвони в контору, узнай, что случилось? Когда дадут воду?

Елена набирает номер.

ЕЛЕНА. Контора? Да, от Лепехиных звонят. Что там с водой? Ничего себе! Вы не шутите? Так что же делать? Какой колодец? Где заказывать? Вы смеетесь? (Вешает трубку.) Гвоздец!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА, ВАРВАРА (хором). Елена!

ЕЛЕНА. Именно! Именно то, что я сказала! Воду у нас отрезали!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. За что?

ЕЛЕНА. Да ни за что! Просто так! И не у нас лично, а у всего поселка! Какая-то красная черта! Никто ничего толком не говорит! Какой-то «Ростинвест» купил чуть ли не все дачи в поселке. И воду больше не подают.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А как я буду мыть посуду?

ЕЛЕНА. Воду нужно теперь брать из старого колодца у въезда в поселок.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Кто же ее будет носить?

ЕЛЕНА. У Константина рука! А питьевую можно заказывать в ближайшем супермаркете... Большие бутылки «Мишкин лес».

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Какой «Мишкин лес»? Какой супермаркет? Это катастрофа!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вавочка, поставь, пожалуйста, чайник.

Варвара берет чайник, суется к раковине, останавливается.

ВАРВАРА. Так воды же нет.

ЕЛЕНА. Вон бочка с водой у крыльца.

ВАРВАРА. Да там вода с прошлого года, из водосточной трубы текла... Она же протухла.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Так все равно кипятить. А другой нет.

Неожиданно вспыхивает яркий свет.

ЕЛЕНА. Чего это с ним?

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
КОНСТАНТИН. Обращай внимание на промежуток между двумя дыханиями...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Я всегда говорю, что пишущая машинка имеет неоспоримые преимущества перед компьютером. По крайней мере, не зависишь от электричества.

ЕЛЕНА. Какая разница? А так зависишь от керосиновой лампы! А керосин – где его сейчас купишь? Тогда уж лучше гусиным пером!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Нет, пить эту воду, конечно, нельзя, но посуду помыть вполне можно! Раньше дом все время трясло, а теперь откуда-то взялся запах, как будто горит резина. Или мне кажется?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. У вас фантазии, Мария Яковлевна.

ВАРВАРА. Пахнет горелой резиной.

ЕЛЕНА (прыскает духами на руки, принюхивается). Нет, не пахнет!

ВАРВАРА. Зачем мне электроодеяло, если нет электричества?

ЕЛЕНА. А ты его в монастырь отнеси. В подарок.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ладно. В конце концов, это всего лишь новые обстоятельства. Я пошла работать.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Пахнет горелой резиной...

Раздается небольшой взрыв. Вспышка. Свет гаснет.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Это водонагреватель!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Пожар!

КОНСТАНТИН. Я говорю... Пере... пере... перезапись... и наложение... в третьей доле...

ЕЛЕНА. Костя! Костя! Сделай что-нибудь! (Присаживается рядом с ним на полу.) Костя без сознания! Помогите! Нужна «Скорая помощь»! Скорей позвоните!

ВАРВАРА. Воды! Воды! Где вода? Леля! Звони в контору! Боже, сколько дыма!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Пожар!

ВАРВАРА. Кошмар!

ЕЛЕНА. Лиза! Где Лиза! Надо «скорую»! Костя умирает!

Интермедия

Вставка в темноте. В потемках и в прибывающем дыму носятся люди. Звучит музыка, построенная на партиях ударных, колокольного набата, трелях телефонных звонков, сирены пожарной машины, фортепианных пассажей Андрея Ивановича, стрекота пишущей машинки, надрывных воплей кошки и фырчанье отбойного молотка. На этом фоне звучат реплики.

- Это катастрофа!
- Это пожар, а не катастрофа!
- Надо работать! Я работаю как ломовая лошадь!
- Где вода?
- Где ведра?
- Работать на это государство я отказываюсь!
- Где соседи, черт их подери!
- Где Лиза?

- Где мои переводы? Спасите рукописи!
- Где кошка?
- «Скорую»! Вызовите «скорую»!
- Пасха! Святая Пасха!
- Лиза! Воздержись!
- Где градусник?
- Где мама?
- Ермолай купил имение, прекрасней которого нет ничего на свете!
- Маканя! Где Маканя?
- В двенадцать часов Москва горела!
- Нашей страной правят троечники!
- Дача разваливается! Неужели никто ничего не сделает?
- Где Ростислав?
- Он умирает! Врача!
- Горим! Господь посетил! Горим!
- Где пожарная команда?
- Где градусник?
- Надо работать! Надо тяжело работать! Я не работал ни разу в жизни!
- Где мои переводы! Спасите рукописи!
- Пекин. Здесь свирепствует атипичная пневмония! Всем прививки от бешенства!
- Где лестница?
- Живем в таком климате, того и гляди снег пойдет!
- Погорельцы пришли! Надо собрать им вещи!
- Прививки от бешенства!
- Читайте князя Щербатова!
- Читайте Чаадаева!
- Чехова, Чехова читайте!
- Идеалы добра и общественного самосознания!
- Гвоздец!
- Константин!
- Где Дюдя? Где Лиза?
- Пасха! Пасха! Святая Пасха!
- Канализацию прорвало!
- Пожар!

- И куда ты все спешишь, куда спешишь?
- Надо позвать человека! Где Семен!
- Не надо идеализировать прошлое!
- Не надо идеализировать будущее!
- Римского Папу не впускать!
- Каких-нибудь двести-триста лет!
- Пасха! Святая Пасха!
- Вы серо живете, вы много говорите ненужного!
- Это катастрофа! Я не могу работать!

Действие третье

Лето. Фасад дачи. Она слегка погорела, но еще жива. Жизнь протекает на участке. Устроены три очага, на которых стоят медные тазы. Сложена поленица. Целая батарея больших полиэтиленовых бутылей с водой «Мишкин лес». Гамак. Шезлонг. Разложен дачный стол, на столе стоит керосиновая лампа. Вокруг стулья, некоторые перевернуты. Рукомойник прибит к дереву. С другой стороны к дереву прислонена лестница. Стоит ударная установка. Видна будка уборной с нарядной новой дверью. Натянута веревка, на которой висит белье. Алюминиевое корыто на табуретке. Маленькая туристическая палатка. На балюстраде мезонина сидит в позе лотоса Лиза с мобильным телефоном. Кроме нее, никого не видно.

ЛИЗА... Вот села на корточки, вот так... Подхватила себя под коленки – ту же. Как можно ту же, натужиться надо. Вот так. И полетели... Чувствуешь? Нет? Не летишь? Ну, давай еще разок.

Руки кладешь мне под коленки... Покрепче...

Теперь немножко вверх... Ой... как мне хорошо! Сейчас! Сейчас полетим! Ну, летишь? (Стонет.) Ой! Ой! Ой! Тебе хорошо? Все! Класс! Сеанс окончен.

Лиза выключает мобильный телефон. Раздается стрекот пишущей машинки. Скрип раскладушки. Кошка начинает призывно орать. Из двери дома выходит Варвара. Идет к рукомойнику, чистит зубы. Потом идет в уборную. Из палатки вылезает Константин, правая рука его в белой перчатке, он направляется к уборной. Там занято. Он подходит к рукомойнику, подбрасывает сосок рукомойника. Звон. Отходит за дерево, справляет малую нужду. Из уборной выходит Варвара, замечает Константина.

ВАРВАРА. Когда-то здесь жила интеллигентная семья.

КОНСТАНТИН (застегивает штаны). Да ну? Это когда же?

ЛИЗА (сверху). Это было до исторического материализма.

ВАРВАРА. Хамов в нашей семье никогда не было.

ЛИЗА. Оставь его. Он после заражения крови.

Константин встает в позу дерева.

ВАРВАРА (Лизе). Чего ты так рано встала?

ЛИЗА. Сегодня вишню закупать поеду.

ВАРВАРА. Лучше бы завтра. Сегодня праздник большой, Преображение Господне. Грех работать...

ЛИЗА. А-а, шестое августа по-старому Преображение Господне...

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
ВАРВАРА. Откуда ты знаешь?

ЛИЗА. В школе проходила.

ВАРВАРА. Хочешь, пойдем вместе на службу. Сегодня такая чудесная служба. Освящение плодов земных. В церковь приносят первины... первые яблоки... Лиз, а у нас две яблони были. Может, найдем там хоть несколько яблочек? Я бы тоже освятила...

ЛИЗА. Нет, Варь. Их недели две тому назад спилили.

ВАРВАРА. Как?

ЛИЗА. Они прошлым летом посохли. Или померзли. Их уже порубили и варенье на них сварили.

Раздается стрекот пишущей машинки. Варвара повязывает головной платок.

ЛИЗА. Мамочка там уже к станку встала.

ВАРВАРА. Работает с утра до ночи, и все впустую.

ЛИЗА. Думаешь, Алка ей не заплатит?

ВАРВАРА. Почему же не заплатит? Заплатит. Гроши паршивые. Ты знаешь, сколько она ей платит? Сто долларов за лист.

ЛИЗА. Чего же плохого? Сто долларов – деньги.

ВАРВАРА. За авторский лист! Двадцать четыре страницы в авторском листе!

ЛИЗА. Тогда гроши.

ВАРВАРА. Нуда!

ЛИЗА. Так это же грабеж!

ВАРВАРА. Я про то и говорю... Правда, перевод кошмарный!

ЛИЗА. Но кошмарный – то перевод вообще ничего не стоит.

ВАРВАРА. А работа?

ЛИЗА. Плохая работа ничего не стоит! Тогда это грабеж! Карл у Клары украл кораллы!

Благовест.

ВАРВАРА. Да о чем мы говорим... Пошла бы лучше со мной на службу... Так хорошо. Очищает душу. Между прочим, фамилия Аллиной бабушки... я недавно узнала... сказать? Гольд фиш!

ЛИЗА. Ну и что?

ВАРВАРА. Гольд фиш!

ЛИЗА. Неужели Гольдфиш? Какой ужас! Мы в родстве с Буонапартом, с Тургеневым, с Александром Македонским! Так испортить породу!

ВАРВАРА. Ты глупа, Лиза.

ЛИЗА. Правда? А я думаю, что в нашей семье я самая умная... А ты, мне кажется, с ума сошла!

Варвара обиженно уходит. Пишущая машинка смолкает. К уборной направляется Наталья Ивановна.

ЛИЗА (сверху). Мамочка! Доброе утро!

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ты сегодня ранняя пташка.

ЛИЗА. Дашь почитать свой перевод?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. С удовольствием! Такой неожиданный интерес! По-русски не читала Аллиных книг, хоть по-английски прочтешь. Совсем не плохо. Я бы сказала – очень хороший средний уровень.

ЛИЗА. Нет, мам, это говно меня не интересует. Ты же знаешь, я читаю совсем другое говно – американское. Просто Вава сказала, что перевод кошмарный. Вот я и хочу посмотреть, что там кошмарное – твой перевод или характер моей сестры..

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. То есть как – кошмарный? Я двадцать лет проработала доцентом на кафедре!

ЛИЗА. Мам! Ну, просто никому слова не скажи – сразу обиды, обиды!

Наталья Ивановна идет в уборную, бормоча и качая головой на ходу. Из дому выходит Мария Яковлевна с толстой книгой в руках. Надевает очки, усаживается за стол, листает книгу.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Номер две тысячи восемьсот двадцать второй. Варенье крыжовенное царское!

Наталья Ивановна выходит из уборной, обращается к Марии Яковлевне.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Доброе утро, Мария Яковлевна! Как вы спали?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ужасно. Ужасно трясло всю ночь. Вы не чувствовали?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Чувствовала. Трясло. Какая-то вибрация.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Я уверена, там какой-то подземный завод. Вава говорит, что производят ракеты для урана.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Для Ирана, может быть?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ну я и говорю, из урана. Как при советской власти военно-промышленный комплекс лучший на весь мир создали, так до сих пор всем помогаем... Всегда всем помогаем... Вот послушайте, какой чудесный рецепт!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дети так огорчают меня...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Это само собой... Послушайте! Это было любимое варенье Николая Второго, оно так и называется – царское! Снять зеленые ягоды самые крупные после полудня, когда роса обсохнет, перебрать, вымыть ключевой водой, положить на пропускную бумагу, дать обсохнуть. Потом из каждой ягоды вынуть косточки...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Из крыжовника?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Нуда, конечно, из крыжовника... и поместить их в сироп, сваренный заранее и охлажденный до 25 градусов по Реомюру... Это по-нашему сколько будет?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Это так горько, когда дети обижают... Всю жизнь я для них... я дала им прекрасное образование...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Отдельно сварить в сиропе листья крыжовника и листья вишни из расчета по одному листу на десять ягод. Туда же положить полпалочки ванили. Срезать самым острым ножом корку с двух мессинских лимонов и изготовить из них цедру. Сок лимонов слить в стеклянную баночку темного стекла и хранить на холоду.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Прекрасное университетское образование... Английский, французский, немецкий... Только Ростислав мясомолочный... А Леля даже выучила итальянский... музыке всех учили... рисованию...

Мария Яковлевна откладывает книгу и разводит огонь под тремя медными тазами.

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Это все было лишнее... Знаете, Наталья Ивановна, на живом огне вся еда получается гораздо вкусней. Такой легкий запах дыма, очень приятный. А это крыжовенное вообще будет непревзойденное! Уже по рецепту вижу – непревзойденное варенье!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Варвара зла, Елена равнодушна, Лиза эгоистична, Ростислав поглощен собой... Они прекрасные дети, они меня любят...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. И самое интересное в чем: варить следует в три приема, доводя до кипения, но препятствуя образованию пенки... Охлаждать каждый раз на льду и сохранять до следующего дня на леднике... сверху проложить пергаментом... Варенье крыжовенное на меду другим манером...

Из дому выходит Лиза, крутит на пальце ключи.

ЛИЗА. Владимирки десять килограммов?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Именно владимирку а шубинку не покупай. Написано... Надо у Лели спросить, что там с банками. Поставь, пожалуйста, самовар, Лизик.

ЛИЗА (кричит). Я на рынок еду! Леля! Банки приготовила? Леля!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Она спит.

ЛИЗА (кричит очень громко). Лель!

Елена вылезает из палатки.

ЕЛЕНА. Что ты орешь? Я в доме не сплю. Там воняет. Какие еще банки?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Баночки для вишневого варенья. Мы сегодня варим. Я сироп уже практически приготовила. Лизик, поставь, пожалуйста, самовар!

ЛИЗА. Константина попроси.

ЕЛЕНА. У Константина рука. А я рисую этикетки. А банки Варя обещала простерилизовать.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Какая странная идея! Выше моего понимания... Бабушка Аня варила варенье. Но тогда была своя вишня. И была прислуга. В этих самых тазах. Да-да... В этих самых медных тазах. Снимали пенки... Какие были пенки! И прилетали осы. Весь сад гудел от ос... Теперь почему-то ос не стало.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Почему же странная? Это хорошая идея. Леля все посчитала. Если каждую баночку продавать по десять долларов...

ЛИЗА. Мақаня! Так мне ехать или нет? Если банки не готовы, я не поеду... А то как в прошлый раз, куплю – и все пропадет...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Леля! Так банки готовы?

ЕЛЕНА. Посмотри в доме, в чулане...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Меня однажды осы покусали. Или это были пчелы?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Двести граммов – десять долларов. Килограмм – пятьдесят. Десять килограммов – пятьсот. А на трех тазах я могу варить девять килограммов в день. Даже десять. Есть смысл.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. И сколько же вы уже сварили?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Тридцать восемь килограммов. Одна тысяча девятьсот долларов.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Какая же ничтожная у нас плата за интеллектуальный труд... Я сижу за машинкой с утра до ночи. Тружусь как ломовая лошадь... Тридцать восемь килограммов варенья...

ЛИЗА. Так посмотри сама. Я не знаю, где банки. Мое дело – транспорт. На мне

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
ягоды и сахар.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. С сахаром осторожнее, Лизик...

ЕЛЕНА. А я рисую этикетки! Акварельные этикетки! Ручная работа! Хэндмейд!

Елена идет в дом, гремит там банками.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Странно все-таки... Варить варенье на продажу... Впрочем, всякий труд почетен. Бабушкина сестра Александрии после революции пекла пирожки и продавала их на Сенном рынке. А ее бабушка, в свою очередь, была фрейлиной Ее Императорского Величества...

Наталья Ивановна уходит в дом, откуда немедленно доносится стук машинки. Елена выходит из дома и выносит поднос с маленькими пустыми банками.

ЕЛЕНА. Вот. Это все, что есть. Их надо простерилизовать. По крайней мере помыть. Лиза, банки тоже надо купить.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Этого мало. На десять килограммов варенья необходимо пятьдесят двухсотграммовых баночек.

ЕЛЕНА. Здесь одиннадцать. Значит, надо прикупить.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Чудесный рецепт я нашла – царское варенье из крыжовника. (Листает книгу, снова читает.) Вот. Снять зеленые ягоды самые крупные, после полудня, когда роса обсохнет... Не какой-нибудь там конфитюр, или английский джем, или французский мармелад... Настоящее русское варенье!

ЛИЗА. Я банки покупать не буду. Пусть Константин хоть что-то сделает. Сходит на станцию и купит.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Поставь самовар, деточка.

ЕЛЕНА. Причем тут Костя? У него рука! Человек шесть недель пролежал в больнице, чуть не загнулся от заражения крови, и я пошлю его банки таскать?

ЛИЗА. Ну да, я могу мешки с сахаром таскать, и ящики с вишней, а Константин не может!

КОНСТАНТИН (из палатки). У меня рука!

ЕЛЕНА. Я рисую этикетки! Мои этикетки стоят дороже варенья!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А у Лизочки диабет и порок сердца!

По дорожке к дому идет Семен.

СЕМЕН. Здравствуйте! Рано встаете... Раньше-то до полудня все спали...

ЕЛЕНА. Привет!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Доброе утро, Семен. Лизик, поставь самовар!

ЛИЗА. Я же на рынок собиралась...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. У тебя лучше всех получается. Поставь, детка...

ЛИЗА. Вот беда какая – все у меня лучше всех получается... (Возится с самоваром.)

СЕМЕН. Андрей Иванович не приезжал?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Звонил. Сегодня приедет. А когда вы начнете ремонт, Семен?

СЕМЕН. Марь Яковлевна! Да я хоть щас! Как щас – так сразу. Бригада есть. Аванс даете – и вперед!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вы бы сделали ремонт, мы бы сразу сдали квартиру, и пошли бы

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
деньги... Расплатились бы потом... Свои люди – сочтемся...

ЕЛЕНА. Маканя, не лезь! С Семеном уже договорено.

СЕМЕН. Оно да... А когда же Андрей Иванович-то?

Самовар пыхтит, над ним колдует Лиза. Раздается мяуканье.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Надо кошку покормить. Лизик! Там сосиски испортились, отдай Мурке.

СЕМЕН. Чтой-то у вас все сосиски портятся. Как ни приду все сосиски испортились.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Семен! Так у нас один только телефон еще работает. А холодильник-то не работает – электричества нет.

СЕМЕН. Воздушку бы надо от конторы перекинуть. Но смысла нет. Дома-то все пустые... Нет, считай, никого. Все дачи продали, съехали.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да куда съехали-то?

СЕМЕН. Как куда? За границу! Кто в Америку, кто в Израиль! А Исламбековы в Турцию! У них за границей все давно в полной комплектации. Вы одни остались... Чего вы здесь сидите?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Не будем об этом!

ЛИЗА. Все съехали, а мы не съедем. У нас тут гнездо. Родовое.

ЕЛЕНА. Готов чай?

ЛИЗА. Готов. Чашки ставь.

Елена выносит из дома чашки, два батона хлеба и баночку варенья.

ЕЛЕНА. Ну, тащи самовар и маму зови. Садись, Семен, попьешь чаю с нами.

СЕМЕН. Чай не водка, много не выпьешь.

ЕЛЕНА (кричит). Мама! Чай подан! Костя! Чай!

Лиза приносит самовар и ставит на стол. Идет в дом, выносит несколько сосисок. Лезет по приставной лестнице на дерево. Вешает сосиски на ветку. Константин выходит из позы дерева, идет к столу.

ЛИЗА. Кис-кис-кис!

СЕМЕН. Чего это она, там так и живет?

ЕЛЕНА. Не слезает четвертый месяц. На самом верху сидит. У нее там гнездо.

КОНСТАНТИН. Сумасшедшая. Сумасшедшая кошка.

ЛИЗА. Не хуже тебя.

КОНСТАНТИН. Сосалка виртуальная.

ЛИЗА. Козел натуральный.

ЕЛЕНА. Мама! Чай!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Наталья Ивановна пьет кофе.

ЕЛЕНА. Вчера кончился.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Была баночка растворимого кофе.

Из дому выходит Наталья Ивановна.

ЕЛЕНА. Я говорю, вчера кончился.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Я же просила оставить кофе для Натальи Ивановны.

ЕЛЕНА. Чай.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ничего, ничего. Я могу чай...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Леля, зачем ты взяла варенье? Оно на продажу!

ЕЛЕНА. Там сто девяносто банок осталось.

ЛИЗА. Сто семьдесят одна, я посчитала.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Как сто семьдесят одна? Было сто девяносто! Кто взял варенье?

ЕЛЕНА. Там было несколько банок переваренного. Я брала переваренное.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Я убедительно прошу – оставьте варенье в покое.

Константин отламывает кусок батона, мажет вареньем, ест.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Эдак мы ничего не заработаем!

ЕЛЕНА. Не беспокойся, Маканя! Я уже договорилась. Одна моя французская подруга будет поставлять наше варенье в шикарный парижский магазин...

Лиза отламывает кусок батона, мажет вареньем.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лиза! Сахар! Воздержись!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. А что, мы теперь ножами не пользуемся?

ЕЛЕНА. Нет, почему? Вот нож.

Семен отламывает хлеб, мажет вареньем.

СЕМЕН. Хорошее варенье. Сладкое.

ЕЛЕНА. Десять долларов.

СЕМЕН. Чего?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Сегодня я закончила шестой том.

СЕМЕН. Десять долларов – чего? Ведро?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Двести граммов.

СЕМЕН. Чаю не надо. На что оно, вода...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Девочки! Там у забора два куста крыжовника. Надо его обобрать. После полудня. Когда роса обсохнет...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Это папин крыжовник. Сорт «Заря коммунизма». Папа за него Сталинскую премию получил.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Очень хороший крыжовник. Кисленький и некрупный. Как раз такой, что нужен для царского варенья... Надо попробовать... Рецепт замечательный. Молоховец. Все так понятно описано. Только что означает 25 градусов по Реомюру? Сколько это по-нашему будет?

ЛИЗА. В долларах? Десять!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да ну тебя, Лиза! Я серьезно спрашиваю. Никто не знает?

ЕЛЕНА. Нет. У всех гуманитарное образование. Константина попроси, он в Интернете

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Андрей Иванович! У нас дрова кончаются. Надо бы несколько деревьев спилить. Как вы?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Обязательно, обязательно!

По дорожке к дому идет Варвара с букетом цветов и с сумкой.

ВАРВАРА. С праздником!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. С праздником, племянница! Подумать только! Недавно Пасха была, а уже Преображение! Изумительно выглядишь!

Варвара кладет букет на стол и вынимает из сумки яблоки.

ВАРВАРА. В храме бабы яблок надарили. Освященные яблочки... У нас – ни яблочка на участке. А у них почему-то растут...

Лиза берет яблоко, надкусывает, потом осматривает его, сколупывает этикетку.

ЛИЗА. У них растут, и прямо с этикетками. «Голден».

ВАРВАРА. Перестань! (Разглядывает яблоки.) Неужели и они в магазине покупают? Простые русские бабы... Поразительно! Просто поразительно!

Константин подходит к ударной установке, садится, резко бьет в тарелки. Начинает соло на барабанах, делает паузу.

КОНСТАНТИН. Есть своя прелесть в живой музыке! Да черт с ним, с компьютером!

Продолжает бить. Все оживленно разговаривают – голоса тонут в грохоте ударных. Наконец Константин откладывает щетки.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. ...и теперь мы получили место главного хореографа! В Барселоне!

ЛИЗА. Гауди!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А ты откуда знаешь про Гауди?

ЛИЗА. А я вообще много лишнего знаю.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя! И ты с ней поедешь?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну конечно, она же без языка. Я буду при ней переводчиком.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Так вы умеете по-испански?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. В нашей семье все знают много лишнего. Я, к примеру, всю жизнь занимался весьма экзотическим разделом математики. Во всех отношениях лишнее. Но! Никогда ничего заранее не знаешь: как раз лишнее может вдруг оказаться необходимым! А испанский я знаю. Да.

ВАРВАРА (разглядывает яблоки). На каждом яблоке – наклейка! «Голден»! И это в России! Где наша антоновка? Где наш «белый налив»? Где наша грушевка? Вместо всего этого – какой-то... Голденфиш!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя, но ведь ей шестьдесят шесть лет!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да! Но ее рекомендовала Эсфирь, которой девяносто два! А Эсфирь до сих пор ведет балетные классы то в Париже, то в Токио! Она лучший репетитор в мире!

ЛИЗА. Кто? Жизелька?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Нет, Эсфирь, учительница Анны Павловны. Анна Павловна – ее любимая ученица.

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Так ты уезжаешь надолго?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Трудно сказать. Условия, которые они предлагают, исключительно выгодные...

ЕЛЕНА. Дюдя нашел работу! Никто не может найти работу, а он нашел! Кто бы мог подумать!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А как же мы? Андрей Иванович уезжает, а как же мы?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Так никто вас не гонит... Живите, пока здесь все не развалилось... Я не против.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. О Боже! Сироп горит! (кидается к очагу.) СЕМЕН. Так, Андрей Иванович! Пошли, что ли... Нас который день ждут...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да-да... Семен. Идем... Сейчас идем! (Пьет чай.) Хороший чай!

ЛИЗА. Кто заваривал? Так мне на рынок ехать или не ехать?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Конечно, Лизик! Конечно, ехать! И купить десять килограммов владимирки!

ВАРВАРА. Она купит вам десять килограммов Голденфиш! Все, все пропало... (Уходит.)

ЛИЗА. Деньги-то выдайте!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ау тебя совсем нет, Лизик? Я думала, у тебя есть.

ЛИЗА. Только на бензин.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лелечка, выдай, пожалуйста, Лизику на вишню...

ЕЛЕНА. У меня нет. Я все потратила. Знаешь, сколько теперь стоит голландская акварель?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. ...выше моего понимания...

Уходит в дом. Стучит пишущая машинка.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Может, немного одолжите...

ЕЛЕНА. Семен! Одолжи сорок долларов, а?

Константин садится к ударной установке и тихонько гремит щетками.

СЕМЕН. О чем разговор? Пожалуйста...

Вынимает из кармана деньги, протягивает Елене, та кивает на Лизу.

ЕЛЕНА. Лизе дай.

ЛИЗА (берет деньги). Ну пока.

Уходит. Слышно, как отъезжает машина.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вы, Семен, просто наш спаситель. Если бы вы в московской квартире канализацию починили...

СЕМЕН. Да что вы, Марь Яковлевна! Там евроремонт нужен.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну пошли, Семен! Я готов.

ЕЛЕНА. Ты куда, Дюдя? Только приехал, и сразу уходишь?

СЕМЕН. На пруд.

ЕЛЕНА. Так пруд на той неделе спустили!

СЕМЕН. Тем более...

Семен и Андрей Иванович уходят. Мария Яковлевна мешает содержимое тазов, подкладывает щепки.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Дрова кончаются. Надо позвать человека... срубить дерево.

Елена раскладывает на столе краски.

ЕЛЕНА. Костя! Ты только посмотри, как здорово получается! Сверху красными латинскими буквами – «русское варенье», а сбоку и внизу – ягоды, ягоды...

КОНСТАНТИН. Да, здорово!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Роса уже обсохла, пойду-ка я соберу с тех двух кустов...

Выходит Варвара с чашкой, наливает из самовара воды.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вавочка! В маленьком тазике варенье сваренное, уже охлажденное. Ты разлей его по баночкам и укупорь.

ВАРВАРА. Я сделаю, Маканя. Выпью чаю и сделаю... Устала... Служба длинная...

Приносит таз с одного из очагов, берет ложку, начинает разливать варенье по банкам.

Пробует, облизывает ложку.

ЕЛЕНА. Ложку не облизывай. Забродит.

ВАРВАРА. Не забродит.

ЕЛЕНА. Обязательно забродит.

ВАРВАРА. Рисуешь – и рисуй! Ой! (Звонко и сильно кричит) А-а-а!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (прибегает на крик). Что случилось?

ВАРВАРА. Мышь!

ЕЛЕНА. А-а-а! Где мышь?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Где мышь?

ВАРВАРА. В варенье! Мышь в варенье утонула! В вареньедохлая мышь!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Не может быть! (Заглядывает в таз.) Действительно, мышь! (Вытаскивает мышь ложкой.) Странно! Как она туда попала?

ЕЛЕНА. Гадость какая! Выброси немедленно!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Конечно, выброшу. Зачем нам вареная мышь?

ЕЛЕНА. Варенье выброси.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Три килограмма? Три килограмма варенья выбросить? Сто пятьдесят долларов? Ты с ума сошла!

ВАРВАРА. О Боже! Дохлая мышь!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вава! Ничего страшного. Ну, мышь! Потом, обрати внимание – это не домашняя мышь. Это мышь полевая. Они чистенькие...

ВАРВАРА. О Боже! Почему? Почему мы так живем? Мыши, крысы, тараканы! Довели страну! До чего довели страну!

ЕЛЕНА. Меня тошнит. Меня сейчас вырвет...

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (выбрасывает мышь). Ну, все. Все. Больше нет мыши. Забыли. А варенье я могу вскипятить еще разок.

КОНСТАНТИН. Лель! А ты нарисуй этикетки с мышью. Вишни и мыши.

ЕЛЕНА. Выбросить надо это варенье.

ВАРВАРА. Или по крайней мере освятить. Я знаю такой случай, в литературе описан... Надо пригласить батюшку, он освятит.

ЕЛЕНА. И ты после этого будешь его есть?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Кто это будет есть? Никто не будет есть! Это варенье на продажу! Нам надо собрать деньги на ремонт квартиры! Это варенье – наша валюта! Варвара – разливай!

ВАРВАРА. Хорошо! Я разолью! Но потом я приглашу священника, чтобы он освятил... Нельзя после мыши... есть.

КОНСТАНТИН. Ты после мыши не можешь, а мышь после тебя – может! Христианство называется!

ВАРВАРА. Что ты несешь, Константин?

КОНСТАНТИН. Ничего. Хари Кришна! Оум!

ВАРВАРА. Тьфу! (Уходит.)

ЕЛЕНА (задумчиво). А может очень миленько получиться... Вот здесь, в левом углу такую маленькую мышку нарисовать?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Такая нервная...

Мария Яковлевна раскладывает варенье по банкам.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ну все. Баночки закончились. А варенье еще осталось. Теперь закрутить. А простерилизовать и потом можно! Одиннадцать баночек. Два килограмма двести граммов. Сто десять долларов. Осталось только продать.

ЕЛЕНА. А может, вишенки вообще не рисовать? Одних мышек? А?

КОНСТАНТИН. Ага. И продавать будешь кошкам. Скучно с вами, бабы... Пойти, что ли, поработать...

Константин садится за ударную установку.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ужасно трясет! Сегодня особенно сильно трясет! Вы слышите? Вы чувствуете, как трясет? Я уверена, там у них военно-промышленный комплекс! В каком-то смысле я даже приветствую, что он продолжает работать...

Раздается отдаленный рев бульдозеров, из дому выходит Наталья Ивановна.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что происходит? Что здесь происходит?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ничего страшного. Мышка в варенье попала.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. А-а... бедняжка...

В доме звонит телефон. Наталья Ивановна идет в дом, разговаривает, потом выходит.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ростик звонил. Странный такой звонок. Сказал, чтобы мы срочно вещи собирали. Он сейчас приедет. Не поняла, какие вещи? Зачем?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вот и я говорю, ничего страшного. Маленькая мышка. Полевка. Чистенькая. Простерилизовать можно, в крайнем случае. Или освятить...

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Подъезжает машина. Входит Ростислав в белом. Целует мать.

РОСТИСЛАВ. Ну все, дорогие мои! Переезжаем!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА, МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА, ЕЛЕНА, КОНСТАНТИН (одновременно). Как? Куда? Зачем? Когда? Почему? С чего это?

РОСТИСЛАВ. Переезжаем немедленно. За воротами стоят два грузовика с рабочими. Этой дачи больше нет. Все. Ее нет. Есть другая. Новая. Очень хорошая. На Новорижском шоссе.

Варвара выходит из дома.

ВАРВАРА. никогда! никуда! я! Отсюда! Не уеду!

Рев бульдозеров громче, Елена обнимает Варвару за плечи.

ЕЛЕНА. Да, я как-то не готова... наш дом, все-таки...

РОСТИСЛАВ. Через час вас здесь уже не будет. А через два часа не будет ни одного дома во всем поселке.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А как же мебель... имущество... Ростик?

РОСТИСЛАВ. Все, что вы хотите забрать в новый дом, рабочие погрузят.

ВАРВАРА. никогда! никуда! я! Отсюда! Не уеду!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Но почему так внезапно?

Мы совершенно к этому не готовы...

От ворот к дому идут Семен и Андрей Иванович с портфелем.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Что случилось? Что происходит?

РОСТИСЛАВ. Мы переезжаем, дядя.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. То есть как?

РОСТИСЛАВ. На новую дачу. Я купил вам новый дом. В два раза больше...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Но это дом нашего отца, деда...

РОСТИСЛАВ. Дядя, сейчас времени нет. Я тебе потом все объясню. Сейчас надо быстро собирать вещи. Два грузовика и рабочие...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Но этот дом... он уже не наш...

РОСТИСЛАВ. Ваш, наш – сейчас уже значения не имеет.

СЕМЕН. Как это – не имеет? Дом-то мой!

ВСЕ (хором). Как?

СЕМЕН. А мне Андрей Иваныч его подарил.

ВСЕ (хором). Как?

СЕМЕН. А вот дарственная. Мой дом.

Ростислав берет из рук Семена бумагу, читает, потом отдает обратно.

РОСТИСЛАВ (Семену). Сколько?

СЕМЕН. Да так, дарственная... я тут починал... здесь все, почитай, моими руками...

РОСТИСЛАВ (Андрею Ивановичу). Сколько?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Понимаешь, Ростик, мы с Анной Павловной переезжаем в Барселону... Я собственно... мы там должны квартиру купить.

РОСТИСЛАВ. Сколько?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Пятьсот тысяч.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя...

ЕЛЕНА, ВАРВАРА. Дядя!

РОСТИСЛАВ. Таких легкомысленных неделовых странных людей я еще не встречал...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Как ты мог, Дюдя?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток, понимаешь, изменились обстоятельства... безвыходное положение... В Барселоне цены на недвижимость растут...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Как ты мог?

РОСТИСЛАВ (Семену). Завтра утром зайдешь в офис «Ростинвест» и оформишь там куплю-продажу.

СЕМЕН. Как это? Да здесь земля одна стоит... Дача-то чего стоит... Ничего... А здесь сотка одна стоит... Я что же, лох какой-нибудь... Да здесь одна сотка стоит... знаешь... две штуки, не меньше... (Все молчат, Семен продолжает бубнить.) А здесь участок гектар! Да... сотка две штуки, самое маленькое...

РОСТИСЛАВ. Ну, еще что скажешь?

СЕМЕН. Гектар, да? Адом самый – ничего не стоит. Но гектар-то?

РОСТИСЛАВ. Знаю. Все знаю. Завтра придешь в офис и получишь миллион.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. То есть как? Миллион?

РОСТИСЛАВ. Да. Миллион. Ты дарственную дал? Нотариально оформил? Все! Свалял дурака, дядя...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Русский человек любит прикидываться дурачком... будучи на самом деле полным идиотом...

СЕМЕН. А по какому адресу офис-то?

РОСТИСЛАВ. Найдешь. Пошел вон!

Семен пятясь уходит.

РОСТИСЛАВ. Ну все, дорогие мои. Быстренько собирайте самое ценное, самое дорогое. Кибилов! Коробки!

Из-за забора вбегают несколько добрых молодцев в черных комбинезонах и вязаных черных масках с прорезями для глаз, в руках коробки. Мария Яковлевна пронзительно кричит.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А-а! Террористы!

РОСТИСЛАВ. Успокойтесь. Террористов я не заказывал!

КОНСТАНТИН. Омоновцы?

РОСТИСЛАВ. Омоновцев тоже не заказывал! Это свои ребята. Грузчики. Грузят.

Люди в комбинезонах складывают коробки и выбегают. Звонит мобильный телефон.

РОСТИСЛАВ (в телефон). Нет, пока ждать. Я дам сигнал. (Наталье Ивановне) Мамочка, ты бери только самое ценное, что там у тебя, архивы, фотографии, а

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
остальное грузчики запакут и вынесут. Вава, ну что ты стоишь столбом?
Собирайся! Леля! Константин!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Надо вынести из подвала варенье.

РОСТИСЛАВ. Ну конечно, и варенье.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Определи мне, пожалуйста, рабочего!

РОСТИСЛАВ. Кибиров! Одного грузчика – сюда!

Рысцей вбегает грузчик в комбинезоне, Мария Яковлевна ведет его с собой.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Сюда, голубчик.

С молчаливым достоинством Андрей Иванович идет наверх.

РОСТИСЛАВ. Кибиров! (Прибегает кибиров.) Мебель складывайте. Что совсем сломанное, оставляйте. (Рассматривает стул, стоящий кверху ножками у стола.) Ума не приложу! Красное дерево. Середина девятнадцатого века! Здесь реставрации по две штуки на каждый стул... Ладно, черт с ними! Заберем. Дорого стоят семейные ценности. Дешевле было бы на «Сотбис» покупать... Ничего не поделать – происхождение обязывает... А где Лизка? На рынок поехала? Кибиров! Там в мезонине комнатка – оттуда все до последней нитки собери и упакуй. Там младшая моя сеструшка. Такой скандал устроит, если что не так. Да, кибиров! Мебель всю забирайте, сломанную тоже... (Нажимает кнопку на телефоне.) Дуся моя! Все идет по плану. Без неожиданностей.

Рабочие в комбинезонах и масках ровной шеренгой бегом вытаскивают из дому ящики и выносят за ворота. Все прочие тыкаются кто с книжкой, кто в портретом, кто с вазой, роняют вещи, налетают друг на друга, шарахаются. Одно ставят на землю, хватаются за другое. Ростислав стоит посреди толчеи, величественный, самодовольный, в белом.

РОСТИСЛАВ. Главное, не волнуйся, мамочка! У тебя в новом доме собственный санузел.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (рассматривает на свет баночку с вареньем). Кажется, забродило! Да, здесь пузырьки. Почему это оно забродило? (Берет другую баночку.) И эта забродила. Ничего не понимаю...

РОСТИСЛАВ (смотрит на часы). Кибиров! Всё вынесли? Отойдите все от дома. К забору! Мамочка, Леля! К забору, пожалуйста! (В телефон) Давай!

Подземная вибрация усиливается, взрыв, грохот. Дом разваливается, как картонный домик. Столб пыли поднимается и медленно оседает.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Что ты наделал, Ростислав?

РОСТИСЛАВ. Дядя! Там под землей, как раз под нашей дачей, сейчас встретились два тоннеля метро. Понимаешь, здесь, на этом месте, будет станция метро. Под нами подземный вестибюль.

От ворот идет Лиза с ящиком вишни в руках.

ЛИЗА. А-а! Что с нашим домом?

ВАРВАРА. Все пропало!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Дома больше нет, Лиза. Я уезжаю. Мне здесь нечего делать.

ЛИЗА. Ты куда, Дюдя?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. В Барселону.

ЛИЗА. В какую еще Барселону?

Андрей Иванович с достоинством направляется к воротам. Ростислав поднимает с

Русское варенье. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
земли портфель.

РОСТИСЛАВ (вдогонку Андрею Ивановичу). Дядя, ты забыл портфель!

Андрей Иванович возвращается, берет портфель.

РОСТИСЛАВ. Наверное, с деньгами? Таких неделовых легкомысленных странных людей... я еще не встречал...

Андрей Иванович стоит с портфелем, подле Наталья Ивановна с портретом Чехова в руках, три сестры стоят рядом.

ЛИЗА. Да что происходит, объясните, в конце концов?

ВАРВАРА. Я тебе объясню. Все пропало! Все кончено. Здесь была усадьба, где жили наши предки. Они здесь любили, трудились, они работали... Здесь была дача, на которой тоже жили наши предки. И тоже любили, трудились. Работали...

Сажали... Растили... Здесь было имение, прекрасное которого ничего нет на свете... А теперь здесь – пустыня. И некому больше работать. (Обнимает Лизу и Елену.)

РОСТИСЛАВ. Работать! Работать! Поработали уже! Надоело! Хватит! Настало время отдыхать! Это прекраснейшее место на свете! Здесь будут отдыхать, развлекаться, радоваться жизни, пить, есть и веселиться, танцевать, слушать музыку, смотреть фильмы. Здесь будут концерты, аттракционы! Выроем пруд размером с Женевское озеро, а в середине построим искусственный остров! И четыре моста будут перекинута с берега! И все хрустальные! Дети и родители станут приходить сюда тысячами, сотнями тысяч! Со всей страны! Со всего мира! Китайцы! Миллионами! Японцы! Миллионами! Зулусы! Эскимосы! Все прибегут! И все – с миллионами! Все флаги в гости будут к нам! Хватит работать! Пора отдыхать! Пришло время отдыхать! Здесь будет Диснейленд! Поняли? И вы увидите небо в алмазах! киберов!

Из-за забора выбегают грузчики в комбинезонах и в масках-головках – Микки Маус, утенок, собачка, медвежонок, индеец, и даже, может быть, комические головы крупных политических деятелей нашего замечательного времени.

Играет музыка. Колокольный звон.

Пляшут грузчики в комбинезонах, подхватывая членов семейства Лепехиных. Рев бульдозеров приближается, грузчики увлакивают за забор всех Лепехиных и все декорации.

Резко наступает тишина.

На пустой сцене стоит Ростислав. Осталось только одно-единственное дерево.

С дерева раздаются кошачьи вопли.

РОСТИСЛАВ. Бедное животное. Забыли...

ЗАНАВЕС

2003

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://ulitskaya@ludmila.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!